

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книжки, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книжки, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

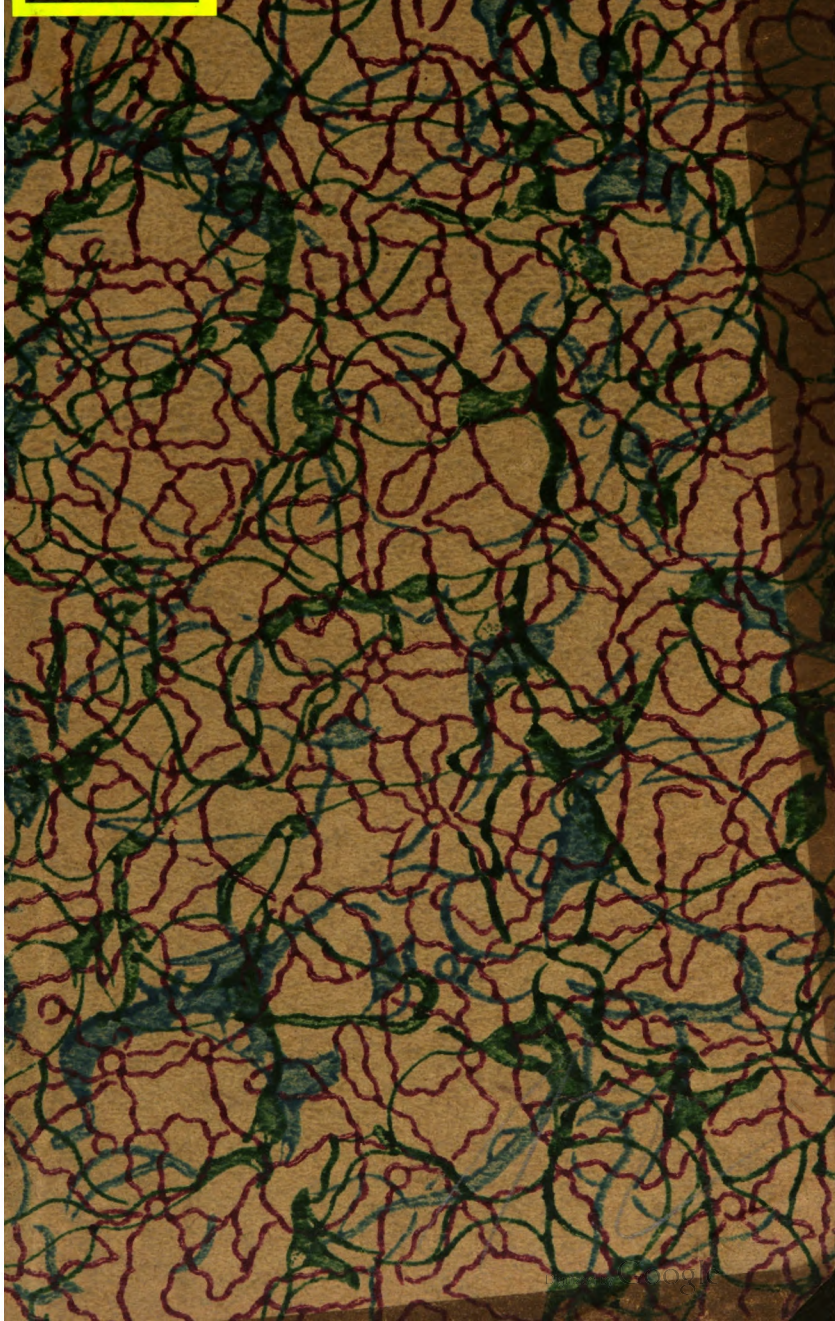
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

H.lit.u.

382

u(11

H. lit. u. 382 u - 11

4460/
14

<36617871980011

<36617871980011

Bayer. Staatsbibliothek

2850

2

1832

ТЕЛЕСКОПЪ

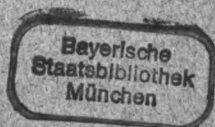
№ 11

189

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стран

- I. Теорія вещества, свѣта и тяжести.
(Мих. Павлова). 279
- II. Ошверженный. Спихопвореніе. (А. П.) 307
- III. Опрывокъ изъ новаго романа: Послед-
ній Годъ Правленія Бирона. (Сообщено). 309
- IV. Нѣчто изъ Переписки NN. (Съ Фран-
цузскаго). 347
- V. Знамениныя Женщины Франціи. (Изъ
Путешествія Ланфранки). 357
- VI. Лыпописи Ошечественной Липера-
туры: Рѣчь о Купеческомъ Званіи, и
особенно въ Россіи, чипанная на шор-

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ТЕОРІЯ

ВѢЩЕСТВА ,

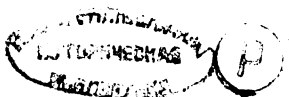
СВѢТА И ТЯЖЕСТИ (а).

Что такое вещество? Сей вопросъ по важности своей есть первый въ Физикѣ. Архимедъ говорилъ: „укажише мѣсто, гдѣ бы утвердиль можно рычагъ, и я поверну шаръ земной.“ Физикъ долженъ сказать: „рѣшише вопросъ о веществе, и объясню строение вселенной.“ Тѣла, явленія и производители оныхъ, вотъ цѣлый физическій міръ, цѣлая вселенная! Тѣла суть вещество, явленія — измѣненія въ состо-

(а) Ошрывокъ изъ *Физики* Профессора Павлова, которая въ непродолжительномъ времени поступитъ въ печать. Основная мысль сей теоріи изложена Г. Павловымъ въ N 3 *Телескопа* 1831 года: здѣсь представляется она въ томъ видѣ, какъ предложится въ системѣ науки. Изд.

ТЕЛЕСК. Ч. IX.

19

лнїи шѣлъ и ихъ производителей; производители шѣлъ и явленій суть вещество и силы; источникъ послѣднихъ, какъ то: свѣта, теплоты, электричества, тяжести, магнетизма, гальванизма — тоже вещество; оно есть общее зерно, изъ котораго развивается весь физическій міръ. Ясно, что теорія вещества должна быть основою, общою, а все прочее въ цѣлой области Наукъ Естественныхъ должно быть ея слѣдствіемъ, равно какъ всякое частное есть отраженіе своего общаго. Построеніе, говорю, вещества, равно построенію вселенной; ибо дальнѣйшее развитіе можетъ быть только повтореніемъ предыдущаго; а предыдущее всѣхъ шѣлъ и явленій, составляющихъ вселенную, есть вещество и силы природы. Ясно, что рѣшеніе вопроса о веществѣ есть то начало, которое должно быть пушеводною звѣздою не только для физика, но и для всѣхъ испытателей природы.

Важность сего вопроса постигали и древніе; но рѣшенія ихъ были недостаточны: они говорили болѣе о состояніи первоначальнаго вещества, не касаясь его сущности; такъ на пр. одни полагали, что первое вещество, изъ коего образовались

всѣ тѣла, было жидкое, по мнѣнію Фалеса — вода, по мнѣнію Анаксимена — воздухъ; другіе съ Анаксимандромъ представляли начальное вещество среднимъ между воздухомъ и водою; многіе съ Гераклипомъ за первую стихію міра принимали огонь, нѣкоторые — эфиръ; Левкиппъ, Эпикуръ и Демокриппъ учили, что прежде всего пространство наполняли мѣлчайшія, вещицы, просыпая, недѣлимые пылинки, атомы, которые въ послѣдствіи чрезъ взаимное скопленіе образовали міры.

Платонъ, допустивъ только два начала: вещество и форму, производилъ изъ нихъ пять стихій: огонь, воздухъ, воду, землю, эфиръ, а изъ сихъ уже построивалъ всѣ извѣстныя тѣла. Лицей Аристотеля оглашался тѣмъ же ученіемъ. Учитель Александра Великаго, по богатству средствъ къ приобретенію многоразличнѣйшихъ свѣдѣній, школу свою поставилъ на такую степенъ славы, что пятнадцать почти столѣтій сряду никто не дерзалъ собственнымъ сужденіемъ повѣрять въ ней слышанное. „Самъ сказалъ“ — въ сихъ двухъ словахъ, магическихъ для того времени, заключались всѣ доказательства. Въ послѣдствіи, хотя

съ великими пожертвованіями со стороны саомыслишелей, слѣпая довѣренность къ Перипатетизму мало помалу поколебалась; епихіи Платона между прочимъ разсѣяны вихрями Декарпа; вмѣсто нихъ возникли атомы. Атомическое понятіе, сполько же неосновательное, какъ и другія, о коихъ говорено, воспоржествовавъ надъ всѣми, къ удивленію ошашеся доселѣ господствующимъ.

Для объясненія явленій природы не достаточно одной массы. Пусть, по мнѣнію атомистовъ, скопившіеся атомы, хотя прежде слѣдовало бы доказать ихъ существованіе, составляютъ тѣла; чтожь сію массу приводитъ въ движеніе? Одни считали атомы самодѣйствующими при посредствѣ душеподобныхъ силъ; другіе полагали, что вселенную, кромѣ атомовъ, наполняетъ тончайшая жидкость, названная *этеромъ*; и что эта жидкость приводитъ атомы въ движеніе чрезъ толчокъ; нѣкоторые воображали, что въ атомахъ гнѣздятся припигапельныя и општоргашельныя силы и держатъ ихъ одинъ опъ другаго на разныхъ разстояніяхъ; општуда, такъ же опъ различной фигуры и неравной ве-

личины апомовъ , производили различіе шѣлъ.

Лейбницъ , удивленіе новѣйшихъ временъ , философъ , равный въ славѣ первымъ мудрецамъ древности , апомы замѣнялъ монадами. Вопшъ его мысли : „есть шѣла сложныя , слѣдовашельно должны бышь и простыя ; ибо что такое сложное , какъ не скопленіе (aggregatum) простыхъ ? А что не имѣеть часпей , то не должно имѣеть ни фигуры , ни дѣлимости. Это простое есть монада , дѣйствительный апомъ природы , элементъ всѣхъ вещей. . .“ Продолжая сужденіе свое далѣе , Лейбницъ монады раздѣляетъ на дѣятельныя и спрдапельныя и наполняетъ ими всю вселенную. Между ими , по его мнѣнію , нѣтъ взаимнаго дѣйствія , но одно идеальное вліяніе ; словомъ : монады Лейбница не лучшее даютъ понятіе о дѣятельности природы , какъ и апомы.

Теперешніе физики , большею частію , полагають , что апомы сами по себѣ не дѣятельны ; ихъ соединяють въ шѣла , приводятъ въ движеніе и проч. постороннія причины , которымъ одни даютъ названіе силъ , другіе — пончайшихъ веществъ , яковы : теплоша , электричество , магнѣ-

пшамъ и проч. Вообще по аномической системѣ, въ какомъ бы она видѣ ни представлялась, веществу наполняентъ пространствъ, въ слѣдствіе непроницаемости аномовъ, и движентъ въ ономъ механически. Въ какомъ мрачномъ видѣ представляется аномистами природа! Она по ихъ мнѣнію мершвая груда, скопившаяся изъ аномовъ и движимая въ пространствѣ механически! А мы, часши сей природы, считаемъ себя живыми существами и ни кою даже изъ аномистовъ не отвергаемъ жизни въ цѣлыхъ двухъ ея царствахъ, растительномъ и животномъ. Какія явныя противорѣчія! Какъ грубы и унизительны всѣ послѣдствія материализма! —

Впрочемъ еслибы аномы, хотя ничѣмъ нельзя этого доказать, были дѣйствительно элементарными шѣль, вопросъ о веществѣ оставался бы и въ семъ случаѣ нерѣшеннымъ. Ибо самые аномы оупь вещество; слѣдовательно и послѣ этого, еслибы рѣшено было, въ какомъ видѣ состоялось въ пространствѣ первоначальное вещество, оставалосьбы еще рѣшить: чпѣ оно еспь въ самомъ себѣ? Кантъ, первый изъ новѣйшихъ мыслителей почувствовалъ потребность опредѣлить сущность вещества. Резуль-

ннать его умозрипельныхъ изысканій по сему предмету состоитъ въ слѣдующемъ: „Опшалакивающая и припягивающая силы, взаимно ограничиваясь, наполняютъ пространство непрерывно и дѣлаютъ его непроницаемымъ; непроницаемое пространство есть вещество а).“

Нъ пому же результату можно дойти и посредствомъ наведенія, начавъ отъ указаній опытности. *Вещество есть нѣчто непроницаемое въ пространствѣ.* Возьмъ предѣлъ, до котораго простирается изслѣдованіе вещества опытное. Быть въ пространствѣ непроницаемымъ, значитъ наполнять оное собою и прошивуспоить всему, что бы ни спремилось по же самое пространство собою наполнить. На пр. вода, вливаемая въ воронку, плотно входящую въ горлышко бутылки, не печетъ въ сію послѣднюю. Воздухъ, запертый при семъ случаѣ со всѣхъ споронъ въ бутылкѣ, пославляетъ водѣ непреодолимое препяпспвіе наполнить занятое пространство, хотя вода по тяжести своей должна къ тому сильно спремиться. Очевидно, что воздухъ препяпспвуетъ водѣ занять пространство, имѣ

а) *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft.*

занятое, потому что самъ наполняетъ оное. Наполненіе пространства предполагаетъ разширеніе въ ономъ того, что наполняетъ. Разширеніе, какъ дѣйствіе, предполагаетъ причину, или дѣйствующую силу, которую, по качеству дѣйствія, должно назвать силою разширительною: ибо дѣйствіе безъ причины быти не можетъ; дѣйствіе есть проявленіе своей причины или дѣйствующей силы.

Итакъ, изслѣдывая вещество, какъ нечто непроницаемое въ пространствѣ, мы находимъ въ немъ *силу разширительную*. Положеніе сіе, имѣя основаніемъ одно изъ началъ мышленія, а именно, начало достаточной причины (*principium rationis sufficientis*), не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Еслибы вещество, какъ открывающаеся съ перваго взгляда, было только разширительная сила, являющаяся въ пространствѣ; тогда бы оно разсѣялось въ немъ въ безконечность — до нуля; слѣдовательно не было бы тѣмъ, чѣмъ есть. Дѣйствительное состояніе вещества, какъ мы видимъ оное въ тѣлахъ, т. е. ограниченнымъ и сжатымъ въ пространствѣ, предполагаетъ другую силу, противоположную

разширительной, копороу послѣдняя удерживается въ предѣлахъ , ограничивается въ своемъ спремленіи къ безконечному разширенію. Эту силу, копорой присутствіе въ веществѣ допускаемъ по тому же началу достаточной причины, руководствуясь качествомъ ея дѣйствія , должно назвать *сжимательною*.

Само собою разумѣется , что возможности вещества нельзя объяснить и одною силою сжимательною. Вещество, сгущаясь, или сжимаясь до безконечности, оставило бы пространство пустымъ , пронизаемымъ и слѣдовательно не было бы тѣмъ , чѣмъ есть. Но вещество, какъ показываетъ опытность , сжато до известной только степени ; слѣдовательно и сжимательная сила въ свою очередь ограничена , а именно : силою разширительною.

Итакъ если сила разширительная, условливающая непроницаемость, является веществомъ; то не иначе , какъ будучи ограничена силою сжимательною; сія послѣдняя въ свою очередь ограничивается первою. Посему *вещество не другое что есть, какъ силы разширительная и сжимательная, ограниченныя взаимно*. Сіе понятіе о веществе , какъ замѣчено выше , прежде разви-

що Канпомъ и оставлено какъ имъ, такъ и другими безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій; между тѣмъ и симъ не совсемъ еще опредѣлена сущность вещества. Мы идемъ далѣе.

Изъ предложеннаго опредѣленія вещества слѣдуетъ, что въ немъ сила разширительная и сжимательная находящаяся въ принужденномъ состояніи. Но принужденное состояніе начальнымъ бытъ не могло: ему необходимо предшествовало состояніе свободное. Принужденіе или ограниченіе есть уже результація дѣйствія. Что жъ была бы каждая изъ силъ въ состояніи свободномъ? Будучи ограниченными, т. е. будучи вещами, онѣ приковываются, такъ сказать, къ опредѣленному мѣсту пространства и состоятъ подъ извѣстными законами времени; будучи же свободными, онѣ должны бытъ внѣ предѣловъ пространства, внѣ законовъ времени. Что жъ была бы въ такомъ состояніи сила сжимательная? Въ пространствѣ безпредѣльномъ, гдѣ нѣтъ опредѣленнаго центра, она, какъ сила средостремительная, себѣ самой будучи предоставлена, уничтожала бы себя въ каждой точкѣ; была бы ничто, сжимаясь безпрепятственно до безконечности. Для

силы разширительной, предоставленной самой себѣ внѣ пространства и времени, участь также — ничтожество; она, расширяясь безпрепятственно, разсыялась бы въ пространство до бесконечности, или до нуля. Ипакъ ничтожество и вещество для силъ: разширительной и сжимающей, составляютъ двѣ крайности: ничтожество — состояніе совершенной свободы, вещество — состояніе принужденное. Первое второму должно предшествовать; другими словами: основныя силы физическаго міра могли переходить изъ ничтожества въ бытіе, а не на оборотъ. Послѣдуемъ же за ними при семъ великомъ переходѣ изъ одного состоянія въ другое. Въ дѣйствительности онѣ взаимно одна другую ограничивающъ; весьма естественно, что ихъ взаимное вліяніе современно самому творенію. Силы разширительной первое дѣйствіе или движеніе при переходѣ отъ ничтожества не могло быть проптивнымъ ея напурѣ: она должна была устремиться отъ центра, который въ безпредѣльной сферѣ, каково неограниченное пространство и какимъ оно должно быть до появленія физическаго міра, находясь всюду, въ каждой точкѣ. Сила разширительная посе-

му изъ каждой почки пространства, какъ центра, устремляясь къ окружности, не могла въ тоже время не увлечь къ дѣятельности и силы сжимающей, ничтоже-
 ствовавшей дошолъ, покоясь въ центрѣ. При первомъ, говорю, зарожденіи міра въ слѣдствіе всемогнутаго: *да будетъ!* эпоха совершенной свободы для основныхъ силъ кончена и подлагается начало взаимному ихъ ограниченію: сила разширительная при вліяніи на нее силы сжимающей, спремась къ окружности, не разсѣвается уже въ безконечность; сила сжимающая при вліяніи на нее силы разширительной, спремась къ центру, не сжимается до безконечности; та и другая не обращаются уже въ ничто, и не составляютъ еще вещества. Это состояніе среднее между ничтожествомъ и веществомъ, совсѣмъ приличіемъ можно назвать *состояніемъ напряженности*. Здѣсь силы разширительная и сжимающая состоятъ во взаимномъ отношеніи, взаимно одна другою возбуждаются къ дѣйствію и ограничиваются въ ономъ, словомъ: находясь въ напряженности, но далеки еще отъ взаимнаго соединенія въ вещество; та и другая, будучи только ограничиваема въ дѣйствіи вліяніемъ про-

шивуположной себѣ силы, переспаетъ шеп-
рясь въ безконечномъ, входитъ въ пре-
дѣлы пространства и времени, дѣлается про-
стѣйшею въ первомъ и измѣримою во вто-
ромъ, словомъ: принимаетъ видъ бытія фено-
менальнаго. Въ предѣлахъ сего бытія начи-
нается уже господство формы; явленіемъ въ
пространствѣ и времени ничто бытіе не мо-
жетъ, не принявъ формы: форма и бытіе
феноменальное — одно. По сему сила разши-
рительная и сжимательная, прежде неже-
ли совсѣмъ ограничились, въ состояніи
среднемъ между свободнымъ и ограничен-
нымъ, вступающая только въ предѣлы бытія
феноменальнаго, должны принять форму,
каждая соотвѣтственно своей натурѣ. Вы-
ше сказано: сила разширительная при пе-
реходѣ изъ ничтожества въ дѣйствитель-
ное бытіе, устремляясь отъ центра къ ок-
ружности, не могла въ то же время не
увлечь къ дѣйствительности и силы сжиматель-
ной, ничтожествовавшей до того, покоясь къ
центру. А центръ въ безконечной сферѣ дол-
женъ находиться въ каждой точкѣ, слѣ-
довательно въ эпоху шворенія дѣйствитель-
ность основныхъ силъ должна была обна-
ружиться всюду, въ каждой точкѣ про-

спранспва должно было послѣдовать движеніе.

Точка, выходя сама изъ себя, какъ бы дробясь на множество другихъ, движущихся отъ центра къ окружности равномерно по одному направленію каждая, образуетъ сферу. Вотъ форма, которую должна принять сила разширительная, переходя въ бытіе феноменальное, стремясь отъ центра къ окружности. Слѣдъ каждой движущейся точки есть линія; линія въ сферѣ отъ центра къ окружности по одному направленію протяженная есть радіусъ, лучъ; слѣдовательно лучистость (радіальность) есть самый естественный способъ, по которому сила разширительная должна проявиться въ сферѣ своего развитія. Какая жь изъ силъ міра физическаго имѣетъ сію форму проявленія, которая, не будучи еще веществомъ, имѣетъ признаки онаго: протяжимость въ пространствѣ и измѣримость во времени? Это свѣтъ, въ лучахъ свѣтлыхъ, цвѣтныхъ и теплыхъ видимо, осязательно, являющійся силою разширительною, средобъжною, развивающеюся изъ центра въ окружность; символъ его явленія — лучезарная сфера, выступающая изъ своего центра безчис-

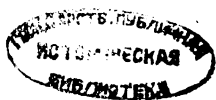
леннымъ множествомъ разходящихся линий. Сила сжимательная наоборотъ, выведенная изъ своего ничтожественнаго покоя въ центръ, какъ почка, невольно увлеченная сама изъ себя, должна принять форму сжимающейся сферы, спремающейся придти въ естественное свое положеніе — быть центромъ. Какая жъ изъ силъ физическаго міра имѣетъ такую форму дѣйствія, которая, не будучи веществомъ, имѣетъ признаки онаго: протяжимость въ пространствѣ и измѣримость во времени? Это тяжесть, въ дѣйствіяхъ своихъ оказывающаяся постояннымъ стремленіемъ къ центру, къ единству. Вникните въ явленія всеобщаго тяготѣнія: чѣмъ знаменуютъ онѣ? Повсюдное усиліе составить одинъ центръ. Тяжесть, будучи силою средоспремишельною, внутри самой себя обращенною, ускользаетъ отъ чувствъ; не имѣетъ никакихъ осязательныхъ признаковъ феноменальнаго бытія, какіе замѣчаемъ въ свѣтѣ; при всемъ томъ она протяжима въ пространствѣ и измѣрима во времени; ея дѣйствіе на разстояніе (*in distans*) и уменьшеніе онаго по мѣрѣ, какъ увеличивающіяся квадраты разстоянія, не обнаруживаютъ ли ея протяжимости въ про-

спранспвѣ? Скорость падающихъ тѣлъ, ш. е. влекомыхъ тяжестію къ центру земли, увеличивающаяся какъ рядъ нечетныхъ чиселъ, не есть ли показатель ея измѣримости во времени?

Такъ — сила разширительная въ среднемъ состояніи между ничтожествомъ и веществомъ, въ состояніи напряженности, есть свѣтъ; сила сжимапельная въ томъ же состояніи есть тяжесть. Посему свѣтъ и тяжесть составляютъ двѣ силы основныя, коренныя; зародышъ міра въ нихъ осуществился прежде; въ нихъ же, или съ ними вмѣстѣ развивался далѣе. Послѣдуемъ за ними. Онѣ, вышедъ изъ ничтожества, вступили въ предѣлы бытія феноменальнаго, и каждая соотвѣтственно своей напурѣ приняла здѣсь опредѣленную форму. Здѣсь также установилось между ними взаимное вліяніе: опселъ слѣдовательно ихъ должно разсматривать во взаимномъ дѣйствіи. Представимъ, что въ самое по мгновеніе, какъ сила разширительная спремится отъ центра, сжимапельная оказываетъ на нее свое дѣйствіе, влечетъ къ центру или ограничиваетъ ее въ семъ направленіи; что должно послѣдовать съ каждымъ лучемъ свѣта, или съ лучемъ развивающейся силы разширитель-

ной? Онъ долженъ необходимо сгущаться. Само собою разумѣется, что сіе ограниченіе силы разширительной должно имѣть степени, а потому и разная должна быть напряженности свѣта; одинъ лучъ можетъ быть сгущенъ болѣе, другой менѣе. Опытнось сіе различіе въ сгущеніи лучей, или въ напряженности свѣта, показываетъ разительнѣе. Есть живошныя, копорыя видѣть только ночью, другія только днемъ, нѣкоторыя и днемъ и ночью; а видѣть можно только посредствомъ свѣта; следовательно и ночная пѣма есть свѣтъ, только изрѣженный и потому неспособный возбуждать органа зрѣнія у всѣхъ животныхъ, а для возбужденія того же органа нѣкоторыя доспапочно и сей слабой напряженности свѣта. Дневной свѣтъ, какъ наиболѣе напряженный, или сгущенный, возбуждаетъ зрѣніе у большей части животныхъ; а для не многихъ и онъ пѣма, слишкомъ ослабилеленъ; при немъ они не видѣть.

Такъ — и по указанію опытноности свѣтъ имѣетъ разныя степени напряженности. Свѣтъ въ наименьшей степени напряженности, или въ наибольшей изрѣженности есть для насъ пѣма, но эта пѣма, напр. темнота ночная, не есть отсут-

ствіє свѣта; отсутствіє, какъ исключеніе, какъ ничто, степени имѣть не можеть, а темнота бываетъ различная. Совершенная тьма, какъ ничто, въ пространствѣ и времени; она чувствамъ подлѣжать не можеть; такой тьмы — нѣтъ въ природѣ. Тьма, подлѣжащая чувствамъ есть свѣтъ, только невидимый, темный, т. е. по изрѣженности своей не раздражающій нашего органа зрѣнія до такой степени, чтобъ мы могли видѣть; по нашей организаціи свѣтъ пребуется болѣе напряженный или болѣе сгущенный. Но можеть ли, скажущь, свѣтъ сгущаться! Вникнемъ, что на се отвѣчають опыты. Лучъ, падающій въ воду оптически, не преломляется, но предметы, напр. рыбы, въ ней плавающія и посредствомъ сего луча видимыя, кажутся выше, нежели какъ онѣ находятся дѣйствительно. Здѣсь сокращеніе луча, следовательно его сгущеніе — очевидно. Если же лучъ можеть сгущаться, то безъ всякаго сомнѣнія можеть и разширяться. Разходимость лучей и собираемость ихъ въ фокусъ ясно показывается съ одной стороны ихъ способность разширяться, съ другой — способность сгущаться. Лучъ сгущенный есть

свѣтъ видимый; разширенный — тѣма, или шемноша.

Свѣтъ и тѣма имѣють степени; посему между свѣтомъ и тѣмою рѣзкой черты, ихъ раздѣляющей, быть не можеть; переходъ свѣта въ тѣму и тѣмы въ свѣтъ долженъ быть постепенный; переходъ сей, дѣлаясь для насъ видимымъ, не можеть казаться ни тѣмою, ни свѣтомъ; но смѣсью того и другаго; это смѣшеніе тѣмы со свѣтомъ есть цвѣтъ. Цвѣтъ не есть что либо отличное отъ свѣта; нѣтъ, это тотъ же самый свѣтъ, но видимый и невидимый вмѣстѣ, или шемный, освѣщенный свѣтлымъ; и посему цвѣтные лучи должны быть подвержены тѣмъ же самымъ законамъ при отраженіи и преломленіи, какъ и свѣтлые; ибо это та же самая разширительная сила, ограничиваемая сжимающей и въ видѣ линій или лучей входящая въ предѣлы бытія феноменальнаго; вся разность состоить только въ степени сгущенія. Переберите всѣ случаи, гдѣ свѣтъ переходитъ въ цвѣтъ, напр. при разсѣяннн и преломленн въ призмѣ; вы увидите, что въ каждомъ изъ нихъ свѣтъ разширяется; слѣдовательно частію переходитъ въ тѣму, или дѣлается не

видимымъ, пошемянется, принимая разные опшѣнки, смошря по степени пошемянїя.

Ишакъ свѣшъ видимый, или свѣш-
лый лучъ, есть лучъ свѣша сгущенный,
и по мѣрѣ своего сгущенїя способный воз-
буждашь нашъ органъ зрѣнїя; свѣшъ неви-
димый на оборотъ или темный лучъ есть
лучъ свѣша разширенный, изрѣженный
и по мѣрѣ своего разрѣженїя не способный
возбуждашь нашего органа зрѣнїя; свѣшъ
видимый и невидимый, ш. е. лучъ свѣш-
лый и темный вмѣстѣ, есть *цвѣтъ*.

Чшѡ жѣ шакое, по предлагаемой теорїи,
лучи свѣша теплые, коихъ сущесшвованїе
по указанїю опытносши несомнѣнно? Эшѡ
слѣдуешъ рѣшишь. Прежде всего припом-
нимъ, чшѡ единсшвенное явленїе, коимъ
теплоша обнаруживаешъ себя, есть раз-
ширенїе; симъ опкрываешся, чшѡ и теп-
лоша есть сила разширишельная; слѣдова-
тельно шѡшъ же свѣшъ.

Сила разширишельная безъ всякаго со-
мнѣнїя шѡгда дѣйсшвуешъ со всѣмъ ей свой-
сшвеннымъ могущесшвомъ, когда въ дѣйсш-
віи своемъ ни чѣмъ не спѣсняешся. Линїя,
въ кошорой сила разширишельная являешся
свѣшѡмъ, есть уже ея спѣсненїе; въ эшѡй
формѣ ограничиваешся она силою сжима-

тельно; при ограниченіи естественнo она дѣйствовать не можетъ свойственнoмъ ей образомъ. Посему ежели теплота есть пошъ же свѣтъ; то дѣйствовать, какъ разширительная сила, она можетъ только тогда, когда линейность ея разрушится. Дѣйствительно, когда свѣтъ грѣетъ? Исключительно въ одномъ случаѣ, когда перяетъ свою линейность, чшѣ обыкновенно называющъ поглощеніемъ свѣта. Лучъ преломленный и опраженный не грѣетъ; грѣетъ только лучъ поглощаемый, ш. е. перяющій свою линейность. Наведите фокусъ зажигающаго стекла на прозрачную горючую жидкость; она, напр. винный спиртъ, не загорится; лучи свѣта, не перяя своей линейности, прѣкшисъ въ фокусѣ, разойдутся и не произведутъ нагрѣванія; собранные же въ фокусъ и остановленные на темномъ горючемъ веществѣ, воспламеняющъ оное. Нагрѣваніе есть разширеніе, равно какъ охлажденіе есть сжатіе. Нагрѣваніе шѣлъ происходитъ тогда, когда онѣ свѣтъ поглощаютъ, ш. е. когда разрушаютъ его линейность, и сіе весьма естественнo: свѣтъ, какъ сила разширительная, перяя линейную форму, свергаетъ съ себя узы, маложен-

ныя на него силою непріязненною, шже-спію, и являеся въ полномъ своемъ могуществѣ: расширяетъ всѣ шѣла безъ извѣяпія; подрывая въ основаніи связь веще-ства, произведеіе силы сжимашельной, изхищаетъ его изъ предѣловъ формы, оп-поргаетъ опъ ценпра, улепучиваетъ. Какъ, иначе понияшь ужасную силу паровъ, за-висящую опъ теплоты? Охлажденіе на-оборотъ происходитъ опъ разсѣяніа теп-лоты въ видѣ лучей (rayonnement): чпд для силы разширишельной, какъ средобѣж-ной, также естесственнo; она въ нагрѣ-томъ шѣлѣ безъ особенной причины оспа-валъся не можетъ; напрошивъ по свой-ственному ей всегдашнему спремению опъ ценпра къ окружности, оставляетъ оное и, принимая свойственную ей линейную форму, разсѣвается въ видѣ лучей: вотъ происхожденіе такъ называемой лучистой теплоты!

Единственныи видъ, въ коемъ тепло-та являеся предметно, какъ нѣчто само-стоятельное, есть лучъ. Чпд жѣ такое послѣ сего лучистая тепло-та? Свѣтъ иног-да видимый, а иногда невидимый.

Раскаленный металличе-скій шаръ, по-вѣщенный среди валы, и пока свѣпилъ и

послѣ какъ попускнешь, производить одинакія явленія: въ тѣхъ термометрахъ, которые по непрозрачности шариковъ и термометрической жидкости лучи поглощаютъ, температура возвышается; въ другихъ, имѣющихъ шарики и термометрическую жидкость прозрачныя, въ которыхъ слѣдовательно лучи не теряютъ своей линейности или не поглощаются, температура остается безъ перемѣны, хотя бы термометры висѣли на одинакомъ отъ шара разстояніи, хотя бы даже послѣдній находился къ нимъ ближе. Сей опытъ показываетъ ясно, что въ началѣ шаръ испускаетъ лучи свѣта видимые, которые, поглощаясь, производятъ нагрѣваніе; не поглощаясь, не производятъ онаго, а въ послѣдствіи, когда шаръ попускнешь, изъ него исходятъ лучи темные; но въ сущности тѣ и другіе одинаковы; темные лучи также нагрѣваютъ, только когда теряютъ свою линейность; въ противномъ случаѣ они не нагрѣваютъ. Дѣйствующую здѣсь причину обыкновенно называютъ лучистой теплотою; но какъ не понять, что сія, такъ называемая лучистая теплота есть свѣтъ, въ одномъ случаѣ видимый, въ другомъ — невидимый? Не покоряется

ли она совершенно тѣмъ же законамъ при отраженіи и преломленіи, какимъ подлежатъ лучи свѣшлые? И наоборотъ лучи свѣшлые, собираемые въ фокусъ, не производятъ ли того же, что производитъ такъ называемая лучистая теплоота?

Каждый лучъ свѣша есть вмѣстѣ лучъ свѣшлый, цвѣтный и теплый; свѣшиптъ онъ, когда поражаетъ глазъ въ видѣ линіи; цвѣшомъ является, когда изъ линіи разсыпается въ поверхность; грѣптъ, когда изъ линіи и поверхности обращается въ шолцу, когда его линейность разрушается. Теплоота, кошорою животворится шаръ земной, приносиптъ сюда отъ солнца вмѣстѣ съ свѣшомъ; но разпространяясь линейно, въ лучахъ, она проходимые ею высшіе слои атмосферы не нагрѣваетъ; свѣшъ солнечный обращается въ теплооту, когда поглощается, ш. е. когда теряетъ свою линейность; что дѣлается съ нимъ уже при поверхности земной.

Силы разширительная и сжимательная въ состояніи напряженности, первая явившись свѣшомъ, вторая — тяжестію, каждая отдѣльно отъ другой, не могли въ такомъ видѣ оспаваться. Силы разширительная и сжимательная, стремясь ко

взаимному ограниченію, должны были сблизиться. Сіе сближеніе, какъ новый шагъ возрождавшейся вселенной къ дальнѣйшему развитію, должно быть ознаменовано особымъ явленіемъ, въ которомъ свѣтъ и тяжесть, какъ въ дѣйствіи среднемъ, какъ въ точкѣ безразличія противоположныя силы, должны поперяться. Эта встрѣча свѣта съ тяжестью, первый синтезъ противоположностей въ мірѣ физической, есть *огонь*. Здѣсь нѣтъ еще порабощенія одной силы другою; это моментъ равной борьбы, встрѣча силъ противоположныхъ; самое же слѣдствіе оей борьбы, результатъ синтеза противоположностей, соединеніе свѣта и тяжести въ одно безразличное цѣлое, есть *вещество*. Огонь есть вещество въ производимости, вещество есть огонь въ произведеніи. Предѣлъ міра силъ и міра вещественнаго знаменуется огнемъ. Вещество, составляясь и разрушаясь, неминусо проходитъ сію пламенную черпу, горитъ. Горѣніе есть первообразъ всѣхъ процессовъ физическаго міра.

Изъ сказаннаго выше о первоначальномъ дѣйствіи основныхъ силъ, расширительной и сжимающей, слѣдуетъ, что сжимающая сила, будучи увлечена изъ

центра въ окружность, должна постоянно стремиться придти въ естественное положеніе — обратиться въ центръ; разширительная наоборотъ, будучи влекома къ центру, должна постоянно стремиться къ окружности. Въ слѣдствіе сего, вещество, какъ взаимное упомянутыхъ силъ ограниченіе, изъ состоянія проходимости переходя въ произведеніе, могло явиться только въ двухъ противоположныхъ точкахъ пространства, въ центръ и окружности, въ центръ — единственнымъ, въ окружности — многоразличнымъ, какъ потоку требуетъ натура центра и окружности. Такова дѣйствительно наша солнечная система: ея единственный центръ — солнце, многоразличная окружность — планеты. Такова и цѣлая вселенная; ибо она, какъ безчисленность солнечныхъ системъ, есть несмѣнное повтораеніе одной и той же формы. Тяжестъ, какъ отраженіе силы разширительной, какъ начало тьмы, сближаясь съ свѣтомъ, не могла не возмутить его первоначальной чистоты. Огонь, какъ первый ихъ синтезъ, долженъ быть первою степенью пощемненія свѣта, сгущеніе же его до вещества, какъ совершенное покореніе пылестію, должно было довершить и его

попемнѣніе. Посему явленіе вещественнаго міра въ пространствѣ должно было сопровождаться мракомъ. Свѣтъ, стусившійся при центръ и окружности, долженъ былъ померкнуть вѣсь безъ опаска; вся масса образовавшаяся веществомъ, раздѣлившись на центральную и периферическую, должна была начально темною. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Земля же бы неоидима и неустроена и тьма верьху бездны.* ...

Противуположное сгращеніе основныхъ силъ, одной къ центру, другой къ окружности, не могло прекратиться и въ то время, когда сила разширительная ограничилась сжимательною до взаимнаго соединенія съ нею въ одно цѣлое; когда масса вещества раздѣлилась на центральную и периферическую. Посему о веществѣ солнца сказать слѣдуетъ: это сила разширительная, изъ окружности увлеченная въ центръ и тушь задержанная силою сжимательною; а о веществѣ планеты наоборотъ: это сила сжимательная, отпоргнушая отъ центра къ окружности и здѣсь задержанная силою разширительною. Каждая слѣдовательно находящаяся не на естественномъ мѣстѣ, и цолному въ вещество солнца должно быть постоянное сграще-

мленіе развились въ окружность, въ веществе планеты наобороть — спрессованіе сомкнулось въ центръ. При такой существенной, безъ всякаго сомнѣнія современной творенію, противоположности, солнце и планета должны между собою держаться, какъ противоположные полюсы міра; и взаимное ихъ полярное дѣйствіе должно быть ознаменовано со стороны солнца постояннымъ сіяніемъ, или проявленіемъ напряженной силы разширительной, а со стороны планеты — стягиваніемъ, обнаруживаніемъ силы сжимающей. Поэтому свѣтъ, разсѣявшій мракъ хаоса, долженъ былъ развиться изъ центрального шѣла; слѣдовательно имѣлъ уже источникъ вещества; свѣтъ, коимъ доселѣ озаряется и живоизображается природа, развивается также единственно изъ вещества. Законы природы, какъ начертаніе Высочайшей Премудрости, должны быть всесовершенны; а потому и непреложны опъ самой вѣчности. За образованіемъ вещества, понимаемаго какъ предложено, явленіе свѣта должно было послѣдовать немедленно, другими словами: образованіе вещества и явленіе свѣта должны принадлежать къ одной эпохѣ творенія. *И рече Богъ: да*

будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ... И бысть вечеръ и бысть утро, день единъ!

Ишакъ вещество есть свѣтъ, ступенный и пошественный шажестію при взаимномъ ихъ ограниченіи; самый же свѣтъ есть сила разширительная, а шажестъ — сила сжимательная.

Мих. Павловъ.

II.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

О, для чего судьба меня сгубила.

Зачѣмъ изъ цѣпи бышя

Меня навѣкъ природа исключила

И спрашно живѣ умеръ я!

Еще въ груди моей бушуетъ пламень

Неугасаемыхъ спрасшей:

А совѣсть, какъ врага закланный камень,

Гнешетъ опроверженца людей.

Еще мой взоръ блуждающій, но быстрый,

Порою къ небу усшремленъ,

А божества свяшой, опрадной искры,

Надежды съ вѣрой я лишень.

И дышетъ все въ созданіи любовью

И живы: червь и прахъ и листъ

А я злодѣй, какъ Авелевой кровью

Запечапленъ! Я ашенствъ!

И вижу я, какъ горешный свидѣтель,

III.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НОВАГО РОМАНА :

ПОСЛѢДНІЙ ГОДЪ ПРАВЛЕНІЯ БИРОНА.

ГЛАВА I.

Всѣ претерпѣаемыя человѣкомъ бѣдствія
опредѣляются промысломъ.

ПЛАТОН. ЗОЛОТ. ИЗРЕЧ.

Было несчастное время, когда кровь достойныхъ сыновъ Россіи нещадно проливалась опъ спроупливаго властолюбія Курляндскаго Герцога Бирона, упоупреблявшаго во зло довѣренность Государины Императрицы Анны Іоанновны; не проходило ни одной недѣли, копорая не была бы ознаменована въ уголовныхъ пропотоколахъ если не смертною казнію, то наказаніемъ кнупомъ, ссылкой, или заключеніемъ кого-нибудь въ крѣпость. Для Герцога одно подозрѣніе было уже доспапочнымъ поводомъ къ обвиненію, а нѣкоторое неосмоупришельное предпріятіе вельможъ, поселя къ нимъ недоувѣрчивость въ Императрицу, служило Герцогу

благовиднымъ предлогомъ очерняя въ глазахъ Государыни обреченную имъ на гибель жертву. Обвиненія обыкновенно производились шѣми, которые раболѣпствуя Бирону, спарались всѣми возможными средствами снискавъ его благосклонность, часто съ нарушеніемъ истины и совѣсти; безприспартный законъ въ рукахъ приспартныхъ судей, по избранію самаго Бирона назначаемыхъ, опредѣлялъ шу казнъ, какая несчастному предназначена уже была въ сердцѣ властолюбца. Ипакъ, подкрѣпляясь законами и мнимою необходимостію истребленія крамольниковъ, онъ умѣлъ испоргать изъ крошкаго и челоуѣколюбиваго сердца Императрицы Анны Іоанновны смертныи приговоръ подсудимому. Лишеніе жизни, ссылка или шѣлесное наказаніе съ ушвержденія Императрицы было нѣкопорымъ особеннымъ преимуществомъ только людей знапныхъ; прочіе лишались свободы, чести и имущества, не всегда именемъ законовъ, но часто по одному произволію Герцога. Многочисленные его шпіоны, разсыанные по знапнѣйшимъ городамъ Россіи и особенно по Пешербургу, зашавляли всѣхъ опасаться самамалѣйшей нескромности даже въ кругу своего семей-

спива. Спрахъ замкнулъ уста самыхъ вельможъ, и неуспрашимыя въ бояхъ за Государей и Опечесство сердца Русскія окочались болзнію а).

Однажды въ началъ 1740 года, послъ произведенной надъ многими, справедливо и несправедливо осужденными, смертной казни, шолпы любопышной черни, рано поутру, пшнулись въ уныніи вдоль широкихъ улицъ Санкш-Петербургскихъ. Одинъ молодой офицеръ, бывшій при семъ кровавомъ зрѣлищѣ по обязанности службы, шакже шелъ задумавшійся, пошупя глаза, въ слѣдъ за идущими впереди его мѣщанами.

— „Чуръ вмѣсптъ!“ сказали двое изъ нихъ прешъему, поспышно наклонившемуся чшо-шо подняптъ.

„Пожалуй, ребяпша, возьмите себѣ хопъ всю мою находку“ — опшвчалъ нашедшій, развернувъ бумагу, въ кошорой было нѣсколько записокъ и одно запечатанное письмо. — „Къ кому эша грамошка, кумъ; ну-ка прочпи, шы человекъ смышленной!“ сказалъ онъ, подавая письмо и бумаги.

— „Лукавой его знаетъ, не при насъ писано — по-Нѣмецки“ — опшвчалъ грамаш-

а) Записки Маништейна. Истор. Рес. Госуд. С. Г.линки. ТЕЛЕСК. Ч. IX.

никъ ; „бросишь его на улицу ! Провались оно Чшобъ еще съ нимъ въ бѣду не попасься ; и по уже намъ православнымъ опъ эшихъ ерепиковъ“

Тушь шоварищъ — толкнулъ его локтемъ и не далъ кончить бранчиваго періода. Онъ оглянулся и, увидя сзади себя офицера, опъ опраха спалъ , какъ вкопанный.

— „Ваша милоспъ . . . баринъ . . . ваше благородіе“ сказалъ онъ, оправясь немного опъ испуга : „кумъ, а не я поднялъ . . . право , видишь Богъ !“ и подалъ офицеру находку своего кума.

Офицеръ, взявши бумага и письмо, взглянулъ на адресъ.

— „Ба ! Это къ Его Свѣшлости, Герцогу Бирону.“

Мѣщане, услѣшавъ сіе страшное имя, опрошешью бросились въ разныя спороны и скрылись въ полпъ.

Офицеръ, разсудя, чшо, доспавя письмо по адресу, могъ онъ за сію, ничего незначущую услугу, удостойшья, можетъ бышь, покровительспва могущеспвеннаго вельможи, копорый возведетъ его въ большіе чины, дастъ хорошее мѣспо и прочее, сооружалъ въ воображеніи своемъ воздушные замки съ

удивительнымъ великолѣпіемъ, и пріятныя мечты счастливой будущности занимали офицера во всю дорогу. Пришедъ домой, онъ съ любопытствомъ началъ разбирать доставшіяся ему бумаги; онъ не заключалъ въ себѣ ничего занимательнаго, кромѣ одной записки, кошорая была слѣдующаго содержанія:

„Я говорилъ о васъ Герцогу, и вы смѣло можете явиться къ Его Высшности, завтра же поутру; мнѣ дано повелѣніе немедленно ѣхать по одному важному порученію и потому не могу представить васъ лично. Желаю вамъ счастья! Благо-склонность знатныхъ полезна, но служба трудна и опасна; ведите себя благоразумно и оправдайте мои о васъ похвалы; доставьте прилагаемое письмо непременно.“

Ни подписи, ни адреса на запискѣ не находилось, слѣдовательно нельзя было узнать, къ кому и къмъ она писана; изъ послѣднихъ словъ можно было однакожь догадаться, что шутъ говорилъ о письмѣ, доставшемся офицеру вмѣстѣ съ упомянутою запискою; ипакъ молодой человекъ рѣшился, нимало не медля, отправиться къ Герцогу Бирону, хотя уже было около десяти часовъ утра.

По прибытіи во дворецъ , гдѣ Герцогъ занималъ апаршаменты а) , офицеръ вошелъ въ первую пріемную залу. Множество всякаго званія людей ожидало выхода Его Свѣшлости. Спустиа мало времени, поотворились двери изъ слѣдующей залы, въ кошорой находился генералипешъ и прочіе значительные чиновники; и Герцогскій камердинеръ , осмопрѣ бывшихъ въ первой залѣ , пошхоньку зашворилъ дверь. Чрезъ нѣсколько минушъ онъ опѣшь вышелъ и опѣ имени Герцога объявилъ , что Его Свѣшлость , чувствуя себя не очень здоровымъ , кромѣ живущихъ до него самыхъ важныхъ дѣла, никого принимаешъ не можешъ. Послѣ сего объявленія почши всѣ , бывшіе шупшъ и въ слѣдующей залѣ , начали расходишъся; ошалошъ шолько нѣсколько придворныхъ чиновниковъ Герцога и чешыре человека, имѣвшихъ вѣрояшно необходимую нужду видѣшъ Его Свѣшлость , въ числѣ кошорыхъ былъ и офицеръ. Камердинеръ , распросивъ о имени и о надобности каждаго , подошелъ съ шѣмиже вопросаи и къ офицеру.

а) Записки Кн. Я. О. Шаховскаго.

— „Я Поручикъ Думскій“ — отвѣчалъ онъ — „имѣю вручить Его Высшаси одно случайно попавшееся мнѣ письмо.“

Каммердинеръ, выслушавъ безъ большого вниманія сказанное и получивъ письмо, отправился въ кабинетъ для доклада. Вскорѣ возвращаясь назадъ, онъ подалъ Думскому знакъ рукою идти далѣе; пройдя нѣсколько комнатъ, Думскій приблизился наконецъ къ шой, изъ кошорой надлежало уже вступити въ самый кабинетъ, и невольный шрепетъ объялъ непривыкшаго къ подобнымъ аудіенціямъ офицера, когда каммердинеръ указалъ на дверь — и Думскій, отворивъ оную, очутился въ кабинетъ Герцога.

Герцогъ сидѣлъ въ огромныхъ, богато вызолоченныхъ съ рѣзьбою креслахъ; облокотившись одною рукою на большой мраморный столъ, покрытый въ безпорядкѣ разбросанными бумагами, другою держалъ передъ глазами какое-то письмо и по видимому былъ онымъ чрезвычайно занятъ. На головѣ имѣлъ онъ колпакъ, надвинутый по самыя брови, и былъ одѣтъ въ зеленый бархатный плафрокъ на горностаевомъ мѣху.

Прошло нѣсколько минутъ съ тѣхъ поръ, какъ вошелъ Думскій, но Герцогъ не удостоилъ его еще ни однимъ взглядомъ.

Наконецъ какъ будто ненарочно кинулъ на него испытующій, мрачный, но пронизательный взоръ. Думскій почтительно поклонился, и въ молчаніи ожидалъ послѣдствій.

— „Я намѣренъ послать тебя въ Курляндію для взятія подъ арестъ одного дворянина“ — сказалъ весьма неправильно по-Русски Герцогъ, смотря пристально въ глаза Думскому.

— Я готовъ исполнить волю Вашей Свѣплости, но беру смѣлость доложить, что это письмо. . . .

— „Слушай!“ — перебилъ слова его сурово Герцогъ; „малѣйшая твоя нескромность будетъ стоить тебѣ головы.“

Несчастный Поручикъ поблѣднѣлъ и чуть устоялъ на ногахъ отъ такого привѣспвія. Герцогъ замѣшилъ испугъ офицера и, желая нѣсколько ободрить его, продолжалъ: „впрочемъ поручаемая тебѣ коммисія продолжилась не болѣе полугода, ты ни въ чемъ недоспатка имѣть не будешь, а за скромность и распорочность награжу тебя щедро.“ Тутъ Герцогъ умолкъ, давая, какъ казалось, время взвѣсить обѣщанныя имъ милости.

— Ваша Свѣшлость! Пишмо, которое я имѣлъ счастье доставить. . . .

— „Ну что же? — письмо — письмо“ — сказалъ сердито Герцогъ; „я его получилъ, ни слова больше объ этомъ. — Я люблю, чтобы мнѣ повиновались безпрекословно и не разсуждая. — Понимаешь? — Ишакъ слушай: дворянинъ пошъ, о которомъ я тебѣ сказалъ, называется Крейцбургъ; ты знаешь по-Нѣмецки?“

— Могу нѣсколько объясняшся. —

— „Тѣмъ лучше! — Ты долженъ взять Крейцбурга и возить его по маршруну изъ города въ городъ. — Но смотри, чтобы онъ не видалъ ни своего лица, не зналъ ни имени, ни фамилии своей, и ни съ кѣмъ не имѣлъ ни малѣйшаго сношенія, даже не видѣлъ бы и дороги, по которой ѣхалъ будешь. — А шамъ — ты узнаешь послѣ, что съ нимъ надобно дѣлать; но повсюрю еще: ни съ кѣмъ объ этомъ ни слова.“

Герцогъ вспалъ съ кресель, раза два прошелъ по комнатѣ, и съ улыбкою, означающею радость удовлетвореннаго мщенія, сказалъ:

— „Да, надобно сплести рога этимъ козламъ; я научу ихъ не судить мои поступки, мое. . . . гм! — эти старинные

дворяне похожи на мѣкую рыбу крупной породы.“ . . .

— „Явись ко мнѣ завтра въ семь часовъ ушра,“ продолжалъ Герцогъ, обращаясь къ Думскому; „ты получишь нужныя бумаги и деньги на пупевыя издержки и пошчасъ поскачешь въ Мишаву.“ — Онъ позвонилъ. Вошелъ камердинеръ. Герцогъ, указавъ на Думскаго, сказалъ: „какъ скоро завтра придетъ онъ, немедля введи его сюда.“ Герцогъ сдѣлалъ знакъ рукою, чѣмъ его оставили, и Поручикъ, поклонившись, вышелъ изъ кабинета.

Положеніе Думскаго было весьма затруднительно. Герцогъ не позволилъ ему объясниться вразсужденіи письма и почелъ его за челоуѣка, рекомендованнаго ему для исполненія пайныхъ его намѣреній; принявъ отъ него порученіе, не объясня ошибки, было опасно; объяснишь трудно; ибо онъ не позволялъ иначе говорить, какъ въ самыхъ коропкихъ словахъ и по отвѣчая на его вопросы; припомъ же Герцогъ открылъ ему уже сполько, что выводиль его изъ заблужденія было поздно.

— Чортъ возьми! сказалъ въ недоумѣніи самъ себѣ Думскій; я попалъ въ бѣду произвольно. — Прощай мой планъ выгодной

женитьбы! Но шакъ и бытъ: чшѡ будешъ, шо будешъ, авось еще и къ лучшему! . . .

Ошважная рѣшимость, легкомысліе и безпечность о будущей участи при пыломъ воображеніи, были ошличительными черпами характера двадцатишестилѣтняго Поручика Думскаго, а пошому онъ и не спалъ много заботишья о шомъ, чшѡ съ нимъ будешъ.

По прибытіи домой, Думскій призывалъ своего слугу Ивана, и ошобравъ въ небольшой чемоданъ самыя необходимыя вещи, приказалъ ему съ ошальнымъ имущесшвомъ ошправишья чрезъ два дня въ Галицкую его усадьбу; при чемъ объявивъ ему о продолжительномъ ошкомандированіи своемъ ошъ Герцога въ дальніе города, далъ на дорогу и для найма подводы шри рублевика. — А съ эшимъ чемоданчикомъ, сказалъ онъ, шы проводишь меня завшра до дворца и подождешъ на площади прошивъ подъѣзда Герцога Бирона.

Ошавя собирашья въ дорогу своего слугу, Думскій сшѣшилъ воспользовашья ошашкомъ дня, чшѡбъ проспшишья и взглянуть еще хопъ разъ на любезную ему дѣвушку, копорой онъ намѣревался искашь руки по двумъ весьма важнымъ причинамъ:

вопервыхъ попому, что она ему нравилась и онъ былъ ей по видимому не противенъ, хотя еще и не зналъ о томъ достоверно; а вовпорыхъ попому, что она была довольно богатая невѣста.

— У насъ климатъ холодный, говаривалъ часпо Думскій въ кругу своихъ пріятелей, и Амуръ безъ теплаго плащѣща скоро замерзнетъ! —

Г Л А В А II.

У сильнаго всегда безсильный виновашъ.

крылов. басн. вол. и агнеи.

Многимъ, можетъ быть, покажется невѣрояшно, чпобы шакой вельможа, каковъ былъ Герцогъ Биронъ, въ семь часовъ поутру принималъ уже къ себѣ чиновниковъ и занимался дѣлами, тогда какъ въ нашъ вѣкъ часпо въ пять часовъ начинающъ только разъѣзжаться госпи съ бала, и даже запросто рѣдко случается въ большомъ свѣтѣ вставать изъ за ужина ранѣе двухъ часовъ за полночь.

Но другія времена, другіе нравы!

Въ то время, которе здѣсь описывается, при дворѣ обѣденный столъ былъ

въ полдень , а ужинъ въ десять часовъ , и самые великолѣпные праздники и балы долѣе часа за полночь не продолжались ; по сему и неудивительно , что всѣ вспавали рано ; ибо рано ложились (а). Надлежитъ вспомнить и то , что вельможи , окружающіе Государей , всегда и вездѣ служатъ примѣромъ образа жизни для придворныхъ , а сіи для прочихъ знатныхъ дворянъ , и шакъ далѣе , съ поспешенной однакоже примѣсью густой шѣни , совершенно наконецъ искажающей начальный образъ какого бы то ни было обыкновенія.

Но прежде , чѣмъ приступимъ мы къ дальнѣйшему повѣствованію , познакомимъ читателя съ характеромъ Курляндскаго Герцога Бирона.

Онъ былъ весьма честолобивъ , и пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Государыни , не имѣлъ недосыпкахъ въ льстецахъ и угодливыхъ поклонникахъ ; его вспыльчивость доходила иногда до крайности , и тогда не щадилъ онъ никого и ни мало не затруднялся въ выборѣ выраженій , которыя были весьма грубы и дерзки ; онъ не умѣлъ и не хотѣлъ притупить своихъ чувствованій

(а) Записки Манштейна.

ни пріязни, ни ненависти; былъ щедръ какъ на похвалы и награды, такъ на порицанія и наказанія; будучи же церемѣнчивъ въ своей благосклонности, оппималъ оную опъ своего любимца почпи безъ всякой побудишельной причины; вдругъ дѣлался изъ покровищеля врагомъ и только въ ненависти своей былъ поспояненъ, никогда не забывая нанесенной ему обиды. Въ продолженіе своего благорасположенія къ кому, обращался съ нимъ опкровенно и бывалъ иногда, вопреки природной молчаливости своей, даже излишне говорливъ; но о чемъ почпипалъ за нужное умалчивать, того никакъ нельзя было опъ него выведашь. Предубѣжденіе къ кому нибудь сильно на него дѣйствовало, и прудно было убѣдишь его мыслишь хороша о томъ человекѣ, о кошоромъ онъ по слухамъ составилъ себѣ худое понятіе. Будучи корыстоплюбивъ, любилъ однакоже пыщность и великолѣпіе. Онъ былъ спашенъ и не дуренъ лицомъ, но не умѣлъ нравиться въ обществѣ и не имѣлъ той ловкости, кошорая есть оппичишельное качество людей знапныхъ фамилій, съ малолѣтства къ тому пріобыкшихъ; качество неподражаемое въ неисчепныхъ своихъ оппѣнкахъ шонкой въжливой

спи и обязательной предупредительности, весьма рѣдко доспигаемое шѣми, конхъ судьба возводишъ на сію степень изъ низкаго класса общесшва ! Впрочемъ Биронъ не имѣлъ недоспапка въ способностяхъ; но разумъ его былъ весьма мало образованъ науками.

Теперь обратимся къ нашей повѣсти. Какъ скоро пробило на часахъ при четверти седьмаго, Думскій вошелъ въ приемную залу Герцога Бирона; она была почти пуста, ибо, кромѣ Герцогскихъ придворныхъ а), еще никто не являлся изъ поспороннихъ; но мало помалу какъ сія, такъ и слѣдующая за оною комната, спали наполняшьясь людьми. Пробило семь часовъ, и вошедшій камердинеръ, подойдя къ Думскому, на сей разъ весьма учтиво попросилъ его идти въ кабинетъ къ Его Свѣшлости.

Когда Думскій вошелъ въ кабинетъ, тогда Герцогъ разговаривалъ съ своимъ Адьюпаншомъ и былъ весьма въ веселомъ расположеніи духа.

— „Итакъ ты думаешь“ — говорилъ онъ Адьюпаншу по - Нѣмецки — „что эшошъ

а) Манштейнъ и *Lettres d'une dame Anglaise*.

Крейцбургъ послѣ прогулки не останется въ покоѣ и будетъ на то жаловаться?“

— Говорятъ объ немъ, что онъ весьма чувствителенъ къ своей чести, и я думаю, что не преминетъ принести жалобу Императрицѣ.

— „Да, да!“ возразилъ насмѣшливо Герцогъ: „онъ не то, что эти Русскіе, коихъ я могу жарить, какъ гусей... Нельзя, кажется, проливъ эпаго и спорить“ — прибавилъ Герцогъ съ улыбкою, выражавшею увѣренность въ своемъ могуществѣ; но эта улыбка, на подобіе опдернутой на мгновеніе занавѣски, показала шавшіяся за оною опвратительныя черты личности, веселящейся пагубою людей. „Да!“ продолжалъ Герцогъ: „я буду Крейцбурга возить въ клѣткѣ, какъ звѣря, и посмотрю послѣ того, что онъ осмѣлился предпринять! Ты говоришь, что онъ не преминетъ жаловаться. Гм! — Прекрасно! А на примѣръ, на кого именно?“ спросилъ Герцогъ, склонивъ немного свою голову на сторону и смотря насмѣшливо на Адьютанша.

— Я думаю, опвѣчалъ, запинаясь, Адьютаншъ, онъ будетъ просить объ изслѣдованіи.

— „Думалъ и сказалъ шакъ глупо; чпѡжъ бы вышло, еслибъ пы говорилъ, не думавши? Да развѣ не ко мнѣ же перейдешъ его прозьба? Развѣ я не въ правѣ попребовать опъ него, на кого именно имѣешъ онъ подозрѣнiе? — И чпѡ онъ скажетъ? — По неволѣ долженъ будешъ замолчать, не умѣя, или не смѣя назвать шого, кѣмъ былъ обиженъ.“

— Но зависпники могущества и славы Вашей Свѣплоспи не могутъ ли воспользоваться симъ случаемъ для разсѣянiя о васъ невыгоднаго мнѣнiя въ публикѣ?

— „Прибавъ: въ публикѣ Русской!“ сказалъ презрительно Герцогъ: „вопъ великая важность — доброе мнѣнiе въ неизвѣстномъ и шемномъ уголкѣ какихъ нибудъ невѣждъ, привыкшихъ предъ глазами пресмыкашся! . . .“

— Случаешся однакоже, Ваша Свѣплосшь. . . . Русскiе благоговѣють только предъ своими Государями, но не всегда бываютъ крошки и безмолвны пропивъ временщиковъ, копорые имъ не нравятся. — Бывали примѣры. . . .

— „Эпо, сударь, старинныя преданiя, въ копорыхъ споль же много истины, какъ

въ родословныхъ нашихъ дворянъ," сказалъ Герцогъ, не давши Адьюпаншу кончить начашаго. „Я изучилъ" — продолжалъ онъ — „характеръ Русскихъ; они не способны дѣйствовать прошивъ власпи сильного временщика; имъ . . . ихъ . . . ну къ чоршу! . . . что гоняпсья за выборомъ выраженій! . . . они не способны, говорю я, дѣйствовать прошивъ власпи сильного временщика, ихъ угнешающаго, открыто, прямо. Нѣтъ, они привыкли пошуплять глаза опъ шишула Свѣшлости или Сіапшельства, какъ опъ солнышка.

— Ваша Свѣшлость не очень изволише жаловать Русскихъ, сказалъ Адьюпаншъ, улыбаясь.

— „Положимъ" — продолжалъ Герцогъ, не отвѣчая на замѣчаніе своего Адьюпанша — „что иной зависникъ моего могущества подъ личиною усердія къ Государынѣ и рѣшився, упавши къ ногамъ Ея Величества, бытъ на меня донощикомъ. Чтò же выдешъ? Онъ пѣмъ погубишъ шолько себя; ибо ревностная моя служба и непоколебимая вѣрность къ Государынѣ заговорятъ въ мою пользу сильнѣе всѣхъ доводовъ моего прошивника, и онъ чрезъ шо произвольно сократишъ свою жизнь, подавъ собою для обузданія другихъ дерзкихъ разительный примѣръ.

Повѣрь, что послѣ сего не много выищепся подражателей, а ежелибъ. . . . но. . . нѣтъ, нѣтъ. . . Русскіе только коварны, пронырливы! . . Они робки. . . . Дѣйствовашъ открыто, благородно, единодушно — эшо не въ характеръ сей націи.“

— И въ Россіи бывали примѣры великодушія и мужества! возразилъ Адьюшаншъ.

— „Высокія душевныя качества въ народахъ не иначе могутъ открываться, какъ жилы богатой руды въ нѣкоторыхъ горахъ. Надобно, чтобъ сильные удары обрушили гору и открыли находящіяся въ нѣдрахъ ея сокровища. . . . Можетъ быть, такъ будетъ когда нибудь и съ Русскими (а)! Но эшо

а) Достопамятныи по бѣдствіямъ Россіи 1812 годъ доказалъ Европѣ, что въ любезномъ Отецествѣ нашемъ не было ни одного сословія, въ которомъ бы не обнаружилась тогда чувствованія высокой, безкорыстной любви къ Государю и Отецеству. Очаровательная поэзія нашего Русскаго Барда улаждала сердца ратниковъ въ часы минушихъ ошдохновеній посреди дымныхъ биваковъ. Слѣдуя ошъ побѣды къ побѣдѣ, наши воины находили еще досугъ удивляться въ чужихъ краяхъ извѣстнымъ произведеніямъ искусствъ и художествъ, обогащали разумъ познаніями, и чужестранцы стольже часто встречали Русскихъ въ музеяхъ, библіотекахъ, картинныхъ галлерейхъ и другихъ полезныхъ заведеніяхъ какъ и на полѣ брани, гдѣ наиболѣе предстояло опателеск. Ч. IX.

время еще очень опдалено: и мы съ побою до него не доживемъ.“

— Ваша Свѣшлость неусыпнымъ попеченіемъ о благѣ сего государства конечно много сократилие пошъ срокъ, въ копорый должны раскрышья благородныя чувспво-ванія Русскихъ. Хопя шеперь многимъ и не нравяшся мудрыя ваши распоряженія; но эшо происходитъ или опъ невѣжесства, или опъ зависти: и Ваша Свѣшлость съ удивительнымъ искуссвомъ умѣете шор-жесшвовашъ надъ своими врагами.

— „Да, да! я желалъ бы Русскихъ сдѣлашъ... для славы моей Всемиловивъшей Государи-ни... но эшо не возможно! . . Чшо жъ касаетшя до моихъ враговъ, шо какъ въ мѣрѣ семъ и особенно при дворѣ надлежитъ бышъ или

сношти. Военская шруба и лира равное производили дѣйшвіе на шѣхъ, о копорыхъ громкій ошголосокъ опечесшвенной славы быстро ошозвался на берегахъ Рейна и Сены. Удивленная Европа въ великодушномъ побѣдителѣ народовъ, Императоръ Александръ, признала своего мирошворца. Тишло неоцѣненное! — Но Монархъ славу Свою, славу народа Своего приписалъ Всевышнему Царю Царей. Медаль за 1812 годъ есть дивный, величесшвенный монументъ сми-ренія Императора Александра, коимъ Онъ украсилъ Своихъ героевъ — воиновъ, дворяншво, духовеншво и купечесшво. *Пр. Сош.*

жрецомъ или жершвою, то я и нахожу для себя выгоднѣе быть первымъ, и заставляю безсильныхъ и глупцовъ играть роль послѣдней. Впрочемъ, я знаю своихъ недоброжелателей“ — продолжалъ онъ съ жаромъ — „и не боюсь ихъ; извѣстный врагъ не страшень, опасень шайный непріятель; но у меня всѣ на перечетѣ... На“ — сказалъ онъ, подавая ему со стола бумагу — „прочши. Волинскій долженъ погибнуть непременно.“

Тутъ Герцогъ взглянулъ нечаянно на Думскаго.

— „Ахъ! да ты здѣсь.... чортъ возьми!“ проворчалъ онъ въ полголоса: „я совсѣмъ про себя забылъ!“..

Высокій лобъ Герцога наморщился; казалось, онъ досадовалъ на свою неосторожность и придумывалъ средства, какъ бы то поправить.

— „Вѣдь ты, помнишь, говоришь по-Нѣмецки?“ спросилъ онъ Думскаго.

— Не много, Ваша Свѣшлость! —

— „Гм!“ — Герцогъ погладилъ лобъ, наморщился, началъ кусать у себя ногти и скоро физіогномія его приняла обыкновенное выраженіе.

— Нельзя не признайся, что Ваша Свѣплость всевѣдуци, сказалъ Адьюпантъ, возвращая прочтенную бумагу: опъ васъ никто уккрыпсья не можешъ; теперь я признаю себя совершеннымъ невѣждою и нижайше прошу извиненія въ томъ, что дерзнулъ изъяснить нѣкопорыя свои ничпожныя замѣчанія...

— „Я знаю тебя“ — сказалъ съ веселою улыбкою Герцогъ: „пы великій спорщикъ: но вспомни, что я всегда изъ спора выходилъ побѣдителемъ, не попому однакомъ, что я Герцогъ.“

— О! совсѣмъ нѣтъ, Ваша Свѣплость; одно убѣжденіе въ истинѣ вашихъ доводовъ...

— „Ну! пора уже кончить: сегодня я заговорился слишкомъ долго“ — сказалъ Герцогъ Адьюпанту. „Располкуй ему хорошенько“ — продолжалъ онъ, указавъ на Думскаго — „какъ онъ долженъ дѣйствовать, выдай денегъ ему на дорогу, также нужныя бумаги, и дай для конвоя необходимыхъ людей; не забудь также дать знать въ полкъ, что онъ командированъ опъ меня по секретному дѣлу.“

— „Послушай“ — сказалъ попомъ Герцогъ, обращаясь къ Думскому: „все, что скажешь тебѣ мой Адъютантъ, ты долженъ исполнить во всей точности, какъ бы получилъ объ этомъ приказаніе отъ меня самаго. Смотри же“ — повпоришь еще Герцогъ въ слѣдъ Думскому — „никому ни слова, или прощайся съ этимъ свѣпомъ.“

Адъютантъ и Поручикъ вышли въ боковую комнапу. Спустиа мало времени послѣ ухода ихъ, вошли въ кабинетъ Генераль - Полицеймейстеръ и Кабинетъ - Министръ Вольнскій.

Выслушавъ донесеніе Генераль - Полицеймейстера о разныхъ дѣлахъ, до нашей повѣсти не принадлежащихъ, Герцогъ спросилъ у него о городскихъ новостяхъ.

— Почти нѣтъ ни одной, въ особенноти достойной вниманія Вашей Свѣплости... только съ нѣкопорого времени чрезвычайно умножились мошенники.

Герцогъ не любилъ Россіи, и хотя по неизмѣнной преданности къ Государынѣ ничего не упускалъ для увеличенія славы и пользы государства, за что никогда не пропускалъ также и ни малѣйшаго случая сказать колкую насмѣшку, или, смотря по

расположенію духа — обидную грубость на счетъ Рускихъ.

— „Въ Россіи мошенниковъ всегда бывало много. Оларіусъ описалъ ихъ свойство въ своемъ путешествіи и приведенныя имъ слова изъ Якобуса я выучилъ даже наизусть: „Русскіе“ — говоритъ онъ — „хищры, упрямы, неукротимы, непріязненны, развратны, безстыдны, склонны ко всему злему, знаютъ только право сильнаго, проспились давно съ добродѣтелью и сперли съ лица всякій стыдъ.“ — Не дивлюсь, что и нынѣ они такіе же. Это обыкновенная принадлежность невѣжества.“

— О! что касается до степени образованія Русскихъ, то конечно намъ долго еще нельзя будетъ равняться съ иностранцами“ — сказалъ Генералъ-Полицеймейстеръ, не желавшій ни въ чемъ противорѣчить Герцогу, хотя внутренно и ненавидѣлъ его.

— „Были ли значительныхъ похищеній?“ спросилъ опять Герцогъ.

— Самое важное, отвѣчалъ онъ, то, что у одного офицера въ полкъ украли часы и письмо къ Вашей Свяшлости отъ Полковника Лесли!

— „Письмо ко мнѣ! и вѣрно очень нужное?“ сказалъ Герцогъ съ безпокойствомъ.
„Опысканъ ли мошенникъ?“

— Еще вчера же вечеромъ полиція открыла его; часы опыскались, но письмо не найдено.

— „Какого званія воръ?“

— Онъ цирюльникъ, отвѣчалъ Генераль-Полицеймейстеръ.

— И припомъ не Русскій, прибавилъ Во-лынскій, случайно узнавшій эту исторію и весьма равнодушно слушавшій грубые опызы Герцога о Русскихъ.

— Это правда, сказалъ Генераль-Полицеймейстеръ, желая смягчить колкое поясненіе Волинскаго: отецъ его изъ иностранцевъ, поселившихся здѣсь еще въ царствованіе Государя Петра I.

Герцогъ покраснѣлъ, наморщился и сурово посмопрѣлъ на Волинскаго, который одинъ изъ множества придворныхъ не боялся Герцога и даже часто осмѣливался явно ему прошиворѣчить.

— Впрочемъ, прибавилъ еще Генераль-Полицеймейстеръ, онъ при допросѣ не сознался въ кражѣ часовъ, а сказывалъ, что купилъ ихъ у носящаго; но — я велѣлъ его

оставивъ подъ карауломъ болѣе за то, что онъ взялъ на улицѣ въ пьяномъ видѣ.

— „Я прошу васъ“ — сказалъ Герцогъ съ важною — „изслѣдовавъ дѣло о часахъ со всею точностію.“

Генералъ-Полицеймейстеръ почтительнымъ наклономъ головы изъяснилъ готовность выполнишь волю Герцога. Тутъ вошелъ въ кабинетъ Адьюпантъ.

— „Что ты?“ спросилъ его сердито Герцогъ.

— Ваша Свѣшлость! отвѣчалъ съ смущеніемъ Адьюпантъ: офицеръ, котораго вы намѣрены были послать въ Мипаву, оказался не тотъ, о коемъ писалъ къ Вашей Свѣшлости Полковникъ Лесли.

— „Какъ! что это значить!“ вскричалъ удивленный Герцогъ? „Кто этотъ дерзкій, осмѣлившійся обмануть меня?“

— Поручикъ Росповскаго полка, Думскій: онъ говоритъ, что письмо къ Вашей Свѣшлости доставлено ему нечаяннымъ случаемъ, и онъ, представляя его къ вамъ, хотѣлъ о томъ донести, но вы не позволили ему говорить. —

Герцогъ задумался; казалось, нѣчто припоминалъ себѣ, и обыкновенно мрачный и непріятный взоръ его спалъ свирѣпъ.

— „Господа“ — примолвилъ онъ , обращаясь къ Генераль-Полицеймейстеру и Волинскому, — „я не имѣю болѣе времени съ вами заниматься.“ — Это значило: сплутайте вонъ ! Чтѣ они и сдѣлали.

— „Думскій — Думскій — да — точно. — О! это опасный человѣкъ!“ сказалъ Герцогъ; „теперь я вспомнилъ, что въ числѣ бунтовщиковъ, подъ предводительствомъ Князя Голицына , былъ одинъ Лейтенантъ Думскій , который скрылся неизвѣстно куда и попомъ черезъ годъ найденъ мертвымъ въ лѣсу. Приведи сюда этого смѣльчака !“ сказалъ онъ.

Адъютантъ отворилъ дверь и далъ знакъ войти Думскому.

Разгнѣванный Герцогъ , давши сильный окрикъ несчастнаго офицера, заставилъ его пересказать со всѣми подробностями этотъ случай , который доставилъ ему письмо. Какъ Думскій ни увѣрялъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія обмануть его , но Герцогъ былъ разсерженъ , Думскій былъ Русской — и слѣдовательно остался виноватымъ; болѣе потому , что слышалъ откровенный разговоръ его съ Адъютантомъ.

— „Посадить его въ Шлиссельбургскую крѣпость, какъ государственный арестанта!“

вскричалъ Герцогъ; и Адьюшантъ вывелъ офицера для исполненія надъ нимъ полученнаго приказанія,

Въроятно, читателю нѣтъ ни малѣйшей надобности знать, какими дѣлами послѣ сей оцены занимался Герцогъ; ибо это совершенно постороннее для насъ обстоятельство. Ипакъ, не раскрывая кабинетныхъ тайнъ государственнаго человѣка, займемся лучше другими происшествіями, которыя имѣютъ тѣсную связь съ нашею повѣстію.

Г Л А В А III.

Осуждая къ пышкѣ того, который находится шокмо въ подозрѣніи, размышляешь ли ты о томъ, что мучишь, можешь быть, неповиннаго? Чѣмъ испытываешь, виновенъ ли онъ, ты уничтожаешь его невинность.

Индійск. нравовъ.

Генераль-Полицеймейстеръ, окончивъ дѣла свои и Герцоговы, по приказанію его хотѣлъ-было тотчасъ послѣ обѣда отправиться въ полицію для допроса цирюльника Гана; но какъ весьма рѣдко случается, чѣмъ повелѣнія высшаго начальства посредствующими начальниками выполнялись во всей точности, то и при семъ случаѣ произошло

по заведенному изспари обыкновенію. Генераль-Полицеймейстеръ, разсудивъ, что мало-важный сей случай не стоить того, чтобы самому беспокоиться, порекомендовалъ изслѣдованіе о часахъ Полиціи Совѣшнику.

Совѣшникъ, прибывъ въ полицію и сѣвши за присущствѣнный столъ, положилъ предъ собой отобранные у Гана часы и приказалъ ввести его въ присущствіе.

— Гдѣ вы взяли эти часы? спросилъ онъ у Гана.

— *Mein Herr! ich versichere Sie . . .*“

— Говори по-Русски! перебилъ Совѣшникъ, незнавшій по-Нѣмецки.

Ганъ, весьма плохо объяснявшійся на Русскомъ языкѣ, пришелъ въ большое затрудненіе; но необходимостъ чего не дѣлаешь! И такъ, коверкая Русскія слова и перемѣшивая ихъ съ Нѣмецкими, началъ исторію изда-лека: какъ, получа деньги за проданный парикъ Его Высокопревосходительству Господину Волынскому, пошелъ онъ къ своему пріятелю, котораго назвалъ по имени, выпилъ съ нимъ водки, отъ него пошелъ къ другому, и такъ далѣе. . . .

— Чортъ возьми этого болшуна! отъ него въ два часа не добьешься толку! сказалъ Совѣшникъ Секретарю. Допроси его,

братецъ , да кончи какъ нибудь эпи вздо-
ры и нынче вечеромъ донеси мнѣ обо всемъ
подробно! — Предоставя такимъ образомъ
изслѣдованіе о часахъ Секретарю, онъ вы-
шелъ изъ присутствія и уѣхалъ домой.

Секретарь , также не знавшій по-Нѣ-
мецки, не болѣе имѣлъ охоты слушать едва
вразумительныя Нѣмецко - Русскія объясне-
нія Гана; и попому, соскучась, препоручилъ
окончаніе допроса пьяному полицейскому
писарю , а самъ , послѣдуя примѣру своего
начальника , отправился на полчаса пови-
даться съ однимъ пріятелемъ, жившимъ
недалеко отъ Полиціи.

Весьма естественнo , что пьяный пи-
сарь еще менѣе былъ способенъ толковать
съ Ганомъ; итакъ поступилъ по обычаю
писарей *того времени.*

— Нѣмецъ ! сказалъ онъ Гану : сухая
ложка роть дерепъ; коли будешь чпдъ, гово-
рилъ онъ выразительно, показывая согбен-
ною рукою шребованіе денегъ , такъ бу-
дешь правъ; не то, въ слѣдствіе 21 й гла-
вы Уложенія спатьи 28 й, не минуешь под-
вергнушься пышкѣ , повальному обыску , и
паки пышкѣ и пемничному заключенію ,
дондежъ уяснятся твои обхожденія.

Ганъ , которому шюрма и пышка не-
пріятно опозвались въ ушахъ, смѣкнулъ, что
шутъ даромъ не опдѣлаешься , вынулъ нѣ-
сколько алпынъ изъ кожанаго кошелька и
положилъ въ руку писаря.

Эта сумма показалась недостапочною
для совершеннаго оправданія цирюльника ,
и онъ въ глазахъ корыстолюбиваго писаря
остался въ сильномъ подозрѣніи.

— Ну что, Юрковъ, спросилъ возвра-
тившійся Секретарь, чѣмъ кончилось швое
изслѣдованіе ? —

— Да поелику , сударь , отвѣчалъ
писарь , сей человекъ не чинишь признанія
въ испорженіи оныхъ часовъ изъ кармана
Его Благородія , Гна Офицера , подавша
го о похищеніи реченныхъ часовъ съ
прописаніемъ примѣтъ оныхъ объявленіе
въ Полицію , которые часы найдены сход-
ственными съ описанными примѣтами у
сего Нѣмца Гана , взяшаго въ пьянспвен-
номъ образѣ, то по силѣ узаконеній и ука-
зовъ блаженныя памяти Государей: Царя....

— Провались ты, окаянный ! я и безъ
тебя знаю законы ; говори , что цирюль-
никъ-то показалъ о часахъ ; мнѣ пора домой ;
уже за полдень , вшорой часъ въ началѣ.

Юрковъ , долго служившій прежде
въ Юспиць - Коллегіи , такъ привыкъ къ

ссылкъ на Указы, что ничего не могъ говорить безъ подкрѣпленія своего разсказа законами; но не смѣя преслупить приказанія своего начальника, каплянулъ раза два, шри, опъ неудовольствія и продолжалъ:

— Ипакъ, сударь, понеже безъ признанія не возможно, какъ гласятъ законы. . . . гм! — гм! — по единому шокмо подозрѣнію осудишь его къ наказанію. . . . шо и подбаеиъ спросишь его подъ приспраспиемъ, сирѣчь, поколошишь бапогами; аще же и шога не учинишь признанія, шо яко праваго оппущишь во свояси, не производя по немъ повальнаго обыска во избѣжаніе накопленія дѣлъ.

— И шо дѣло! сказалъ Секретарь; да онъ же былъ вчерашняго числа зѣло пьянъ; шакъ велика, брашъ, Вахмиспру влѣпишь ему въ спину десяшка два бапожьемъ; а коли впрямъ и послѣ эшаго будешъ оппираться опъ кражи, шакъ, зачши оные удары въ число слѣдующихъ ему за пьянштво, добавишь къ тому еще десяшокъ, какъ шо обыкновенно въ подобныхъ мѣлочныхъ окказіяхъ назначается опъ Его Сіапельспва Князя Шаховскаго, и пошомъ освободишь его изъ подъ караула.

Юрковъ пошелъ потчасъ выполнишь резолюцію Г. Секретаря. Бѣдный Ганъ не спалъ было даваясь; но два полицейскихъ служишеля, связавъ ему руки, приняли на себя прудъ поддерживашъ его въ то время, какъ прелій могучею рукою посылалъ ему въ спину палочные удары, вѣрно считаемые писаремъ Юрковымъ.

— Спой, брашець! сказалъ писарь, сочтя два десятка: чшо, Нѣмецъ, ты не король часовъ? спросилъ онъ у Гана.

Несчастный съ кляпвою утверждалъ, чшо онъ купилъ ихъ у носящаго за два кресповика.

— Ну! дѣлашь нечего, видно ты честный человекъ, хопя и не Русскій; и изъ сего ясно слѣдуешь заключишь, чшо ты правъ; но какъ тебѣ предлежитъ вытерпѣшь въ наказаніе за пьянство еще десять ударовъ, то не согласишься ли ты искупить свою честь десятию алпынами? Я человекъ добрый и дорожись не хочу.

Хопя Гану и спранно казалось, чшо будучи по одному дѣлу оправданъ, а по другому обвиненъ опъ правосудія Юркова, подвергался однако же одинакой участи; но не желая въ то время ни спорить, ни разсуждать, онъ согласился на предложеніе, и

опсчитавъ десять алпынъ, постѣшно удался изъ полиціи, браня по-Нѣмецки Русскій обычай колопити палками.

Досада, шрапа денегъ, а больше всего спыдъ, что ученики его, свѣдавъ о томъ, могутъ всякой день надъ нимъ насмѣхаться, беспокоили чеспнаго и довольно самолюбиваго Гана почти сполько же, сколько боль головы съ похмѣлья и оины отъ полицейскаго угощенія; почему Ганъ рѣшился нанявъ до своего жилища извозчика. Проѣхавъ нѣкошорое проспранспво, извозчикъ услышалъ, что на какой-то колокольнѣ спали бить часы, и не вслушавшись хорошенько, спросилъ своего сѣдока: что, баринъ, два было?

Ганъ, у котораго не вышло еще изъ памяти его приключеніе въ Полиціи, вообразилъ, что извозчикъ, какимъ-нибудь образомъ провѣдавъ о претерпѣнныхъ имъ палочныхъ ударахъ, спрашивалъ, сколько человекъ его били, съ Нѣмецкою опкровенностію отвѣчалъ:

— Нейтъ! билъ ашинъ, а пѣа шершилъ!

Потомъ, обдумавъ зрѣло, что извозчикъ, привезя его, могъ рассказать сіе происшествіе кому-нибудь изъ учениковъ его, онъ желалъ бы разсчитаться съ нимъ, не-

доѣзжая нѣсколько до своей цырюльни; но имѣя при себѣ по милости Юркова весьма мало денегъ, никакъ не могъ сего исполнить, и пошому вздумалъ съѣздить къ одному своему земляку, живущему совершенно въ противоположной части города.

Извозчикъ, проѣхавъ уже половину прежде сказаннаго пуши за условленную цѣну, заспорилъ; Ганъ разсердился, а онъ въ спихомолку сердиться не умѣлъ; произошелъ шумъ, на который сошелся народъ и — о радость! — въ толпѣ любопытныхъ Ганъ узнаетъ продавшаго ему краденые часы. Какъ бѣшенный, онъ бросился къ нему, схватилъ его за воротъ, объясняя, сколько могъ, предстоящимъ людямъ причину такого поступка. Въ счастію на ту пору проходилъ полицейскій чиновникъ Дракинъ, который, вразумясь въ жалобу его, приказалъ схваченнаго имъ человека опвесити въ Полицію, куда опять последовалъ и Ганъ, а за нимъ и извозчикъ. По обысканіи приведеннаго, оказались при немъ многія краденныя вещи, и такимъ образомъ приличенный мошенникъ не заперся уже и въ томъ, что, укравъ у какого-то офицера часы и нѣкоторыя бумаги, первыя почто продалъ предстоящему Нѣмцу.

а бумаги, какъ вещь, ничего не стоящую, бросилъ на улицѣ.

Ганъ поржеспвовалъ; его невинность открылась теперь уже ясно, и онъ смѣло началъ пребывать какъ опъ Юркова обратно своихъ денегъ, такъ и опъ продаваго ему часы, угрожая, въ случаѣ не-удовлетворенія его, принести жалобу самому Герцогу. Ганъ не любилъ шумишь!...

Писарь, испугавшись угрозъ, съ охотою желалъ бы успокоить разсвирѣпывшаго Креспьяна Креспьяновича; но деньги, взятыя съ него, уже были пропиты, а своихъ у него не было. Ипакъ оспавалось одно средство, нерѣдко употребляемое и въ послѣдующія времена: онъ опобралъ у мошенника всѣ вещи и деньги, первыя оспавилъ у себя съ шоварищами своими, а изъ послѣднихъ расплапясь съ Ганомъ, пустилъ обобраннаго плуша безъ дальнихъ хлопотъ, искуснымъ образомъ вознаграждать свои убытки.

Ганъ успокоился на счетъ денегъ; но несправедливое, по мнѣнію его, наказаніе въ Полиціи крѣпко лежало у него на сердцѣ, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, опмститься Юркову и Секретарю, кошо-

рыхъ онъ почиалъ виновниками сего приговора.

Придумывая къ сему средства, онъ не могъ ничего лучшаго изобрѣсти, какъ пожаловаться Герцогу; и пошъ же часъ отправился во дворецъ.

— „Куда, пріятель?“ спросилъ его у входа на лѣспницу въ апаршаменты Герцога караульный сержантъ. Ганъ объявилъ свое намѣреніе. — „Пошелъ прочь!“ сказалъ сержантъ: „теперь не приказано пускать вашей браньи.“ — Ганъ настаивалъ, и какъ онъ не умѣлъ говорить тихо, то и вышелъ на шумъ караульный офицеръ. Зная по Нѣмецки, онъ выслушалъ Гана, и видя его высокій ростъ, спройность и мужественное лицо, въ утѣшеніе сказалъ ему:

— Другъ мой! мнѣ весьма жаль тебя, но никто на свѣтѣ не извлечетъ уже изъ твоей спины палочныхъ ударовъ; ипакъ, не прудись понапрасну жаловаться, чшобъ еще не ошатъся виноватымъ, и прими лучше мой совѣтъ: ты молодецъ видный, спупай въ солдаты, я берусь опредѣлить тебя въ нашъ полкъ и постараюсь, чшобъ помѣстили тебя въ нашу роту; авось скоро дослужишься до капральскаго чина, тогда

въ состояніи будешь передать другимъ пѣ удары, которыми наградили тебя въ Полиціи.

Похвала и привѣтливоспъ офицера понравились Гану, честполубіе заговорило въ немъ въ пользу предложенія о военной службѣ, и уже въ воображеніи его рисовались блестящія каршины славы и почешей; но палки — палки — и еще одна хорошенькая горничная дѣвушка, на которую онъ давно засматривался, поставляли большую преграду его желанію; впрочемъ вспушпшь въ службу дѣйспвишельно казалось ему лучшимъ средспвомъ для защищенія себя на будущее время опѣ полицейскаго правосудія, но шолько не въ солдапы! Какъ жаръ мщенія гораздо уже въ немъ побавился, а опасность подвергнушья вновь непріятноспямъ въ неравной плябѣ съ Секретаремъ Полиціи была очевидна, шо онъ и опсправился довольно съ спокойнымъ духомъ домой, пообдумашь, въ кошорой службѣ — могъ менѣе подвергашья палкамъ.

(сообщено)

IV.

НѢЧТО ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НИ (а).

(съ Французскаго)

— Вы находите еще, милостивая государыня, спрланную связь между гениемъ Архитектуры Египетской и гениемъ Германскаго Зодчества и хошите знать, чюд можете бытъ общаго, напр. между пуопынною пирамидой Египта и шпилемъ Христіанскихъ храмовъ, между обелискомъ Каира и оспроконечными окнами среднихъ вѣковъ. Эша аналогія, сущесшву-

а) Издашель получилъ сія ошрывки при слѣдующей запискѣ: „М. Г.! Препровождаю къ вамъ нѣкошорме ошрывки наъ переписки одного изъ нашихъ соошечешвенниковъ, для помѣщенія въ вашемъ журналѣ, считаю нужнымъ сказать объ нихъ нѣсколько предварительныхъ словъ. Переписка сія представляешъ разншіе одной полной, глубоко обдуманной системы. Предлагаемме здѣсь ошрывки, не смотря на разнородность ихъ предмета, проникнушы шакже одною основною мыслію. И эша внутренняя связь ихъ, при вѣшнемъ разнообразіи, естъ именно што, чюд даешъ имъ особенную цѣну. Кромѣ достоинштва мысли, въ оригиналѣ они ошличающся еще необыкновенною изощренностію языка. Въ переводѣ ушрачено сіе достоинштво, кошораго одного было бѣ досташочно, чшобъ заинтересовашъ вашихъ читашелей. Теперь ошмаетса въ нихъ, по крайней мѣрѣ, нашересь логогрифа: ошгадашь, чюд можете бытъ общаго между архитекшурою и безсмертіемъ души.“ Съ удовольствіемъ принямая посылку почтеннаго корреспондента, издашель надѣетса, чшо мыслящіе читашели найдуть здѣсь и другую, амскую занимательность. Нзд.

ющая между двумя Архитектурами, споль-
опдаленными во времени, но дѣйствитель-
тельно сливающимися, достойнымъ удив-
ленія образомъ, въ одной идеѣ, весьма
поразительна, и вы необходимо должны
были дойти до ней, по самой связи мыс-
лей, представлявшихся въ размышленіяхъ
нашихъ объ Истории. Замѣтите во первыхъ
геометрическую фигуру, триугольникъ, въ
которой помѣщаются объ Архитектуры:
она даетъ имъ обѣимъ особенный харак-
теръ и рисунокъ. Но это только матери-
альное ихъ выраженіе, ихъ форма пла-
стическая. Въ послѣдствіи найдете вы,
что объ сіи Архитектуры имѣютъ также
общій идеальный характеръ, весьма ясно
проявляющійся въ какой-то *бездельности*,
или лучше въ исключительной идеѣ
монумента, которая особенно въ нихъ
господствуетъ. Кроме того, отличаетъ и
выражаетъ объ сіи Архитектуры верши-
кальная линія, которая собственно и об-
разуетъ оба стиля. Но вотъ, что важно.
Вертикальная линія, въ противополож-
ность горизонтальной линіи Греческой Ар-
хитектуры, даетъ намъ истинную фи-
зіономію всѣхъ Архитектуръ міра; и
это въ антитезѣ въ послѣдовательности ис-

куссива совершенно выражаютъ особенныя черты различныхъ временъ и народовъ.

Спилъ Греческій есть пристанище, жилище, домъ; спилъ Египетскій и Гопическій — монументъ, поэзія, мысль. Первый относится къ матеріальнымъ нуждамъ человека, второй къ его нуждамъ нравственнымъ. Пирамидальная Архитектура есть слѣдовательно вещь свяшая, небесная. Горизонтальная архитектура вещь человѣческая, земная. А понимаете ли вы, что все это значитъ? То великое раздѣленіе человѣческаго ума, которое объемлетъ умственное движеніе всѣхъ вѣковъ: *Сенсуализмъ и Идеализмъ!*

Итакъ, видите ли вы глубокое, проницающее отсюда, сближеніе первобытнаго міра съ міромъ Христіанскимъ? Видите ли вы, какъ мысль, принадлежащая эпохѣ происхожденія человѣческаго рода, совпадаетъ съ мыслию, принадлежащею временамъ совершенія судебъ его? Ибо Архитектура, еще нынѣ видимая на берегахъ Нила, есть, безъ сомнѣнія, древнѣйшая въ мірѣ. Если и предположить существованіе древности, болѣе отдаленной, нежели древность Египетская, то она не

относился къ Зодчеству, какъ на пр. построения Циклопеанскія не суть Зодчество; въ противномъ случаѣ Архитектура Индійская была бы древнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ, но это не Архитектура. Ипакъ должно признавать Египетскую Архитектуру за содержащую въ себѣ первообразъ красоты архитектурной, первоначально вымышленной гениемъ челоѣка; а въ семъ непонятномъ сходствѣ двухъ крайностей Истории нельзя не сознать того великаго указанія Исторической Философіи, что первообразною мыслію челоѣка, необходимо была мысль истины и закона, и что такимъ образомъ два мгновения, находящіеся на обоихъ концахъ времени, совершаемаго челоѣкомъ — первое мгновение его сотворения и послѣднее мгновение его конечнаго развитія — встрѣчаются въ общемъ понятіи преданія и утверждаются обою метафизическое событіе и положительную идею существованія челоѣческаго.

Мнѣ кажется, что Голлическая башня достойна особеннаго вниманія, какъ одно изъ прекраснѣйшихъ созданій воображенія. Жители Европы, слишкомъ свыкшіеся съ симъ страннѣмъ произведеніемъ Зодче-

снѣва, не умѣють, по моему мнѣнію, довольно цѣнить его. Намъ, жителямъ другаго міра, надлежитъ понять его. Прозрачная атмосфера и безцвѣтная природа южныхъ странъ весьма много способствуютъ къ увеличенію эффекта, производимаго Греческими и Римскими памятниками; прибавьте къ этому кучу воспоминаній и всѣ принадлежности прошлаго и настоящаго, которыя полнятся около сихъ памятниковъ и окружаютъ оныя всеми очарованіями, дышащими мечтательностью: тогда поймете вы, въ чемъ состоитъ красота сихъ памятниковъ. Но уединенная башня Сѣвера, о которой не говоритъ ни слова исторія, а развѣ какую-нибудь темную легенду рассказываетъ при очагѣ внучкамъ спарая бабушка, эта башня, высящаяся надъ жилищами людей, въ мрачное облачное небо, не заимствуетъ поэзіи своей отъ міра, ей совершенно чуждаго, ни отъ предметовъ, ее окружающихъ. Около ней хижины и облака — больше ничего!. Вся ея магія, все ея достоинство въ ней самой. Она, какъ мысль могучая и прекрасная, одна стремится къ небу, уноситъ васъ съ земли и ничего отъ земли не беретъ; принадлежитъ особенному чину идей и не происше-

каешь опъ земнаго ; видѣніе чудесѣйшее ;
безъ начала и причины на землѣ !

Нолоссы Нила , равно какъ и Христіанскіе храмы , при первомъ на нихъ взглядѣ , кажутся только украшеніями. Замышлите , что сей наружный характеръ безполезности есть также характеръ красоты самой природы. Видъ звѣзднаго свода , ярящагося океана , покрываемымъ льдами цѣпи горъ , всѣ сіи разительнѣйшія зрѣлища натуры , равно какъ и самыя красивыя , какъ на пр. пальма Аѳрики ; дубъ Англіи , сначала не порождаютъ въ васъ непосредственно идеи о ихъ полезности ; но возбуждаютъ въ васъ мысли совершенно безкорыстныя. Полезность есть конечно въ нихъ , но она сокрыта и уже представляется по нѣкоторомъ размышленіи. Таковъ обелискъ , не дающій даже довольно шѣни , чтобы укрыть васъ отъ зноя южной пропической солнца. Кажется , онъ ни къ чему не полезенъ ; но онъ невольно заставляетъ васъ устремить взоръ на небо. Такова великая церковь Христіанскаго міра ! Когда въ часы сумрака блуждаете вы подъ огромными ея сводами и глубокій мракъ уже распростерся по всей ея внутренности

ни , а надъ вашею головою окна купола горятъ еще послѣдними огнями заходящаго солнца : къ чему , кажется , сей огромный сверх - человѣческой размѣръ ? Но онъ говоритъ вамъ , что для поклоненія Божеству , разъ дана была мысли человека возможность возрасти до вышины самой природы . Или когда вы , идя въ осеннюю ночь по берегамъ Рейна , подходите къ одному изъ шамошнихъ старинныхъ городовъ , смиренно разспилающемуся у подножія своего высокаго собора , въ то время какъ луна опойтъ надъ вершиною сего величественнаго исполина : зачѣмъ исполнить сей представляется вашимъ взорамъ ? Но , можете быть , внушитъ онъ вамъ мечтанія благочестивія , можете быть , преклонитъ долу чело ваше , въ изліяніи чувствъ вашихъ предъ Богомъ , источникомъ сей высокой поэзіи , и заспавитъ васъ съ необыкновеннымъ , новымъ для васъ жаромъ вѣры произнесши вечернюю вашу молитву : вошь для чего предъ вами сей исполинъ !

Наконецъ , прекраснѣйшій Греческій храмъ есть не что иное , какъ домъ : съ пріятными ощущеніями , доставляемыми вамъ его изящною соразмѣрностію , не

обходимо соединена мысль, что онъ созданъ для чьего-либо жилища. И это весьма понятно. Греки дѣйствительно должны были соорудить жилища своимъ богамъ. Мы, Христиане, воздвигаемъ только священные памятники, ибо намъ некого помѣщать въ нашихъ храмахъ. Вспомните слова Гжи Спаль, сказанныя ею о музыкѣ, что одной ей принадлежишь прекрасная бесполезность и что именно по сей-то причинѣ поражаетъ она насъ такъ глубоко. И въ сей-то мысли, какъ и во всемъ, мною выше сказанномъ, бесполезность есть безличность; а ею все доброе, все изящное — связывающся и соединяющся въ нравственномъ мѣрѣ.

— Намъ предписано любить ближняго; но для чего? — Чтобы опклонить любовь нашу отъ самихъ себя. — Это не мораль, а просто логика. — Что бы я ни дѣлалъ, между мною и истиною вѣчно становися что-то постороннее; и это постороннее — это я самъ. Я самъ отъ себя заслоняю истину. Одно, следовательно, средство открыть ее: отстранить свое я. Поэтому, мнѣ кажется, хорошобъ было, еслибъ мы часомъ

повпоряли самимъ себѣ то, что Діогенъ сказалъ Александру: *посторонись, ты заслоняешь мнѣ солнце!*

— Онъ умеръ, пошъ, кого вы любили, передъ кѣмъ вы благоговѣли, и вамъ оспалось ошъ него одно груспное воспоминаіе — груспное и, можешъ бышъ, сладкое въ шоже время. Но вы уже не любите его, не благоговѣете передъ нимъ, по прежнему; и можно-ли благоговѣшъ передъ прахомъ, любите разрушеніе? — Чшо, однако, если онъ не умеръ? Если онъ живешъ еще, гдѣ нибудъ далеко, въ какой нибудъ далекой споронѣ? Если онъ полько въ опсупспвіцъ, подобно сполькимъ изъ вашихъ друзей? — Тогда, зачѣмъ не возвращите вы ему всѣхъ прежнихъ чувспвъ вашихъ? — И вошъ на чемъ основано поклоненіе свяпымъ. Вѣровашъ искренно, швердо въ безмерпіе души и, между шѣмъ, опказывашъ въ благоговѣніи людямъ, достойнымъ эшаго чувспва, опказывашъ полько пошому, что они не живутъ уже здѣсь, на эшой землѣ — скажите: не значите-ли эшо прошиворѣчите самому себѣ? —

— Христіанское безсмертіе, есть жизнь безъ смерти, совсѣмъ не то, что обыкновенно воображаютъ : жизнь послѣ смерти.

— Помните-ли вы, что съ вами было на первомъ году вашей жизни? — Нѣтъ, говорите вы. — Такъ мудро-ли, что вы забыли и то, что съ вами было прежде вашего рожденія!

— Думаете-ли вы, что человѣку смерть понятнѣе рожденія? — Безъ сомнѣнія нѣтъ! Онъ видитъ, что вокругъ него существа образуются и разрушаются, и между прочимъ существа ему подобныя. Онъ не знаетъ, жили-ли они подъ другимъ видомъ, прежде принятія настоящаго; не знаетъ, будутъ-ли жить въ другомъ видѣ, утративъ настоящій образъ. Не смотря на то, онъ боится смерти; спало бытъ думаетъ, что постигаетъ ее. — Спрашивъ его не спраданіе : почему знать ему, будетъ-ли онъ спрадаться? Также не уничтоженіе пугаетъ его; ибо что ужаснаго въ прекращеніи бытія? — Слѣдовательно, его спрашивъ другое : онъ какъ-то узналъ, неизвѣстно какъ, что послѣ смерти онъ будетъ жить еще. Но онъ не знаетъ, въ чемъ состоить

этой второй жизни; и жить этой новою жизнью, оплечною этой насмѣвающей — вотъ что кажется ему ужаснымъ! — Ипакъ — видите — здѣсь находимъ мы опять одно изъ тѣхъ великихъ преданій, копорыхъ происхожденіе переносится во временахъ неизвѣстныхъ, подобно сполькимъ другимъ идеямъ, служащимъ основаніемъ челоѣческому разуму, идеямъ, коихъ разумъ не изобрѣлъ, но копорыя были сообщены ему тогда, когда во всеиной создавалась интеллигенція.

— Что же такое смерть? — Тотъ моментъ посреди всего продолженія челоѣка, когда челоѣкъ перестаетъ понимать себя въ тѣлѣ . . .

V.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ

ФРАНЦІИ.

ИЗЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ ЛАНФРАНКИ.

Парижъ всегда славился женщинами, знаменитыми въ лихературѣ и въ искусствахъ. Ихъ сообщество, всегда пріятное,

имѣло для меня много прелести; я постоянно спарался приобрытать ихъ благосклонность и небезуспѣшно. Признаюсь, никогда не имѣлъ я несчастія быть недовольнымъ ихъ приемомъ. Онѣ вообще сполькожь разборчивы, сколько оспроумны, но болѣе любезны, чѣмъ основательны: ихъ чувствительность непримѣтными нищами связана съ вѣтренностью; и ежели онѣ не во всемъ искренны, то, по крайней мѣрѣ, не скрываютъ участія, которое имъ внушено. Я провелъ съ женщинами большую часть жизни, спараясь изучать ихъ характеръ; мои свѣденія по сей часпи, кажется, достапочны; и однако оно не помѣшало мнѣ быть ихъ игралищемъ, какъ глупѣйшему изъ смертныхъ. Часпи обманываемый, иногда счастливый, я не переспавалъ ихъ любить; онѣ занимали меня безпрестанно, кружили мнѣ голову, увлекали сердце... Теперь, благодаря охлажденію моихъ чувствъ, я гораздо спокойнѣе въ ихъ присутствіи, могу цѣнить ихъ безприспраспино и даже при нуждѣ не опрекусь снабдить полезными совѣтами тѣхъ, кои не хопятъ, подобно мнѣ, проходить чрезъ рядъ опытовъ, иногда довольно жестокихъ.

Когда я прибылъ въ Парижъ въ первый разъ, *Гжа Сталь* находилась въ ссылкѣ, въ Коппенъ. Она имѣла пагубную честь казаться Наполеону одной изъ Европейскихъ державъ; и повелитель Франціи велъ съ ней войну, шѣмъ болѣе ожесточенную, чѣмъ потерялъ всякую надежду смирить ее. Раздраженіе, или лучше сказать, ненависть — были одинаковы съ обѣихъ споронъ; не лзя было сильнѣе злобствовать другъ на друга. Наполеонъ видѣлъ въ *Гжѣ Сталь* геній непреодолимо гордый, возмущившійся противъ его владычества; онъ зналъ силу ея пера, ядовитость ея сарказма, и угадывалъ, чѣмъ въ попомствѣ найдутся остроты, которыя изъ вѣка въ вѣкъ будутъ передавать эпиграммы, бросаемыя ей противъ него. Дочь Неккера, привыкшая видѣть однихъ энтузіастовъ ея таланта или пламенныхъ обожателей спрашной ея души, испытывала, съ своей стороны, неизяснимую досаду, при воспоминаніи о своихъ предупрежденіяхъ, отвергнутыхъ и Генераломъ Бонапартомъ. и Первымъ Консуломъ Французской Республики. Она спала его ненавидѣть, попому чѣмъ не могла влюбиться въ себя. Наполеонъ любилъ женщинъ; но *Гжа Сталь* имѣла

Телеск. Ч. IX.

24

только оболочку женщины; внутри ея находилась душа мужеская, наполненная сильными и великими мыслями, соединенными съ потребностію владычествовать, не посредствомъ очарованія прелестей, а силою умственного превосходства. Наполеонъ грубо отвѣчалъ на ея ласки, къ коимъ не имѣлъ довѣренности: онъ говорилъ о семейственныхъ дѣлахъ съ женщиной, которая хотѣла бесѣдовать съ нимъ о государственныхъ пользахъ; онъ низринулъ ее въ обласъ ея пола: это было самое жесточайшее оскорбленіе, какое только можно было ей сдѣлать. За то какъ ужасна была и месть ея! Съ какимъ непримиримымъ ожесточеніемъ преслѣдовала она его, пока онъ царствовалъ! Въ отчаяніи невозвратной ссылки, она не переставала сражаться съ нимъ: подобно Миллионову Сапанъ, крушилась объ утѣхахъ неба, или лучше — о шоржествѣ въ го-спинныхъ Парижа — и между тѣмъ была неумолима и нераскаянна, ополчалась съ неутомимымъ рвеніемъ на колоссъ, который давилъ ее своей тяжестью.

По моему мнѣнію, одну изъ любопытнѣйшихъ особенностей сей чудной эпохи представляла эта борьба исполина-Императора

съ женщиною не менѣ исполинскою, коей раздраженное самолюбіе сообщало довольно силы и дѣятельности для того, чѣмъ презиравъ столько ужасное могущество, и которая въ одномъ своемъ гѣніи находила источникъ непреодолимаго сопротивления, пережившаго столько проновъ въ Европѣ. Я не буду здѣсь говорить о сочиненіяхъ этой славной женщины; онѣ слишкомъ извѣстны. Не скажу много и объ ней самой, ибо я мало ее видѣлъ; и припомъ гдѣ не лзя найти ея портрета, начерпаннаго съ бѣльшимъ искусствомъ, нежели какое я въ себѣ предполагаю? Она не была красавица: но къ чему моглабы послужить ей красота? Умножилабы ли она число ея рабовъ или друзей? Нѣтъ, безъ сомнѣнія! Она воспользовалась бы ею развѣ только для того, чѣмъ довершить опечаленіе женщинъ; и это конечно было бы для ней немалымъ наслажденіемъ.

Равнымъ образомъ, я видѣлъ только мимоходомъ другую, менѣ славную, но болѣе любезную, женщину, которая въ свѣтъ была именно такая, каковой представляется въ своихъ твореніяхъ, соединяя съ самыми существенными добродѣтелями, съ нѣжнѣйшей чувствительностью,

съ силой воображенія необыкновенною, искусство выдерживать изображаемые ею характеры и извлекавъ участіе изъ самыхъ хладнокровныхъ сердець. Надобно было угадывать *Гжу Коттенъ* въ кругъ, котораго была она первымъ украшеніемъ: она спыдилась своихъ успѣховъ, кои всегда дивили ее; и это происходило не отъ лицемѣрнаго ханжества, не отъ лукавой гордости, скрывающейся подъ личиною припворнаго смиренія. Богато одаренная природою, она исполняла всѣ свои обязанности, не обезпечиваясь своей славой. Жизнь ея протекала въ крошечной пишинѣ, какъ самой простой, обыкновенной женщины. Не лзя было ее видѣть и не полюбить — разумѣется не той буйной страстью, которая могла оскорбить ее, но — живой и чистой привязанностью, связывающей души невинными узами, коихъ не можешь разорвать ни пространствомъ, ни временемъ. Одѣваясь всегда просто, она выбирала себѣ машеріи темныя, шляпки самыя обыкновенныя: какъ будто ей хотѣлось ускользнуть отъ взоровъ, которые съ жадностію ее всюду искали.

Я знаю еще даму, не менѣе скромную, которая однако имѣла бы всѣ права хва-

спасться успѣхомъ своихъ сочиненій: эпо *Гжа Арманд-Роланъ*. Ея романы будутъ всегда имѣть цѣну для тѣхъ, кои ищутъ разпрогнанности, основанной на благородныхъ и крошкихъ чувствованіяхъ. Въ нихъ басня ведется спройно и занимашельно, развязки удачны и величественны; они оставляютъ въ душѣ меланхолическое впечатлѣніе, которое западаетъ въ памяти. Уже давно отдыхаеетъ она: эпо весьма жалко; публика и друзья ея съшуютъ на ея молчаніе, вынужденное, можетъ быть, внутренними спраданіями, опъ коихъ пылая душа ея не умѣла защишишь себя. Я часпо вижу ее въ домѣ, гдѣ она очень любима: она разговариваетъ съ такою же очаровательностію, какъ и просподушіемъ; не гоняеетъ за оспрыми словами, кои сами собой попадаются ей безпрестанно. Добродушіе невольнo соединяеетъ въ ней съ нѣкоторою язвительностію; и, какъ сама она замѣчаеетъ, случаетъ, что языкъ ея иногда колешъ.

Можетъ быть, не случилось ли тебѣ, въ послѣднюю поѣзду, вспрѣшишь, въ Римѣ или во Флоренціи, *Гжу Ге и Дѣ-*

вицу Дельфину а), дочь ея! Я однако не думаю, ибо ты не писалъ о помѣ ничего; и потому я намѣренъ поговорить съ тобой о нихъ пространнѣе. Гжа Ге была очень хороша собой; и я, частію для успокоенія своей совѣсти, частію же, чѣмъ не огорчить ее, спѣшу прибавить, что она такова еще и теперь. Станъ ея высокъ и сложенъ; плѣдвіженія нѣсколько рѣзки; но это происходить отъ живости ея ума; она говоритъ и руками и глазами и головой; она вся — дѣйствіе и движеніе. Ея дружба и непріязнь равно спрашны; почему благоразумнѣе всего не искалъ ей нравиться; ибо привязанности ея слишкомъ непродолжительны; и тѣ, коихъ она наиболѣе оскорбляетъ, суть тѣ, кои были наиболѣе любимы ею. Между тѣмъ сердце у ней очень доброе, чувствва нѣжныя: но она весьма жива, пылка и опрометчива. Воображеніе ея безпрестанно въ дѣйствіи; разговоръ блещетъ остроуміемъ. Она пишетъ очень хорошо, чисто, красиво и не безъ тѣкости; романы ея наполнены шонками,

а) Дочь Дельфина Ге теперь уже сдѣлалась Гжєю Жирарденъ. Изд.

нѣжными чертами; впрочемъ она болѣе набрасываетъ эскизы, чѣмъ живописуетъ; и если характеры, изображаемые ею, имѣютъ нѣкоторую неопредѣленность, то по крайней мѣрѣ сцены, въ коихъ они развиваются, всегда занимательны. Она могла бы имѣть свое авторское самолюбіе, но нисколько не думаетъ о томъ; гордость ея имѣетъ гораздо высшій и благороднѣйшій характеръ: она происходитъ изъ пламенной, чистосердечной, законной любви ея къ дочери, *Дельфинѣ*, которую можно назвать ангеломъ прелести и совершенства. И какое почтеніе внушаетъ тогда *Гжа Ге*! Какъ понятны ея чувствованія! Она теряетъ до такой степени въ предметъ своего обожанія, что писательница и свѣтская женщина исчезающъ въ ней совершенно и остается одна только героиня маперинской высокой любви.

Я понимаю энтузіазмъ ея къ дочери: сія послѣдняя принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ привилегированныхъ созданій, для которыхъ природа является приспρασно распочительною. Она имѣетъ роскошную талію; формы ея совершенно пропорціональны и очаровательны; всѣ движенія ознаменованы прелестію, что рѣдко бы-

ваешь удѣломъ великихъ женщинъ, и восхищаютъ своею пріятною непринужденностью. Она прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ; но особенная прелесть заключается въ ея устахъ, въ улыбкѣ; зубы ея, по всей справедливости, можно уподобить ряду восточныхъ перловъ; бѣлизна кожи ея ослѣпительна; сквозь нее видишь, какъ кровь спруишя въ ея нѣжныхъ голубыхъ жилахъ; русые волосы осѣняютъ ея голову въ роскошномъ изобиліи; и иногда волны ихъ ниспадають въ легкихъ кудряхъ, обвивающихся вокругъ прелестной шеи. Но ея глаза — описывать ли ихъ! — Голубые и большіе, крошкіе и живые, нѣжные и пламенные: геній сверкаетъ изъ нихъ молніями; онѣ сыплютъ яркія искры, особенно когда *Дельфина* читаетъ свои стихи. О какъ тогда божественно ихъ выраженіе! Они не попускаются въ землю, но возвышаются къ небу, которое одно достойно привлекать ихъ. Какъ упоительно-очарователенъ видъ этой юной пифониссы, этой вдохновенной дѣвы, коей звучныя и вмѣстѣ глубокія слова чаруютъ слухъ и поражаютъ душу! Съ какимъ восторгомъ влечешься къ ней! Съ какимъ восхищеніемъ слушаешь! Какъ наслаждаешься! Оболь-

щеніе, полное! Это Фея, это Муза, восхищающая своими звуками! Въ восторгахъ, возбуждаемыхъ ею, нѣтъ ничего поддѣльнаго: это волшебное обаяніе истиннаго таланта, чудотѣйственная сила генія, принимающаго свои вдохновенія отъ одной природы!

Никогда не забуду я дня, когда, съ нѣкоторыми любителями изящнаго, наслаждаясь созерцаніемъ высокихъ произведеній искусства, коими Гро украсилъ куполь Святой Женевьевы, я увидѣлъ вдругъ эшу воплощенную сестру ангеловъ, коихъ изображенія восхищали меня. Она была одѣта въ бѣлое платье; голубая, небеснаго цвѣта, шаль окутывала ея станъ и еще болѣе выделяла ея красоту. При видѣ ея, мнѣ показалось, что предо мной находится Коринна, приносящая въ Капитолій дань своихъ блестящихъ импровизаций. — Она простерла руку и мы умолкли: тогда чистымъ, и вмѣстѣ шепещущимъ, голосомъ, она начала хвалебный гимнъ во славу великаго художника, коего геній дивилъ насъ; мы слушали съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Никогда не былъ я такъ взволнованъ и такъ счастливъ: мѣсто, въ коемъ мы находились, Муза, которой внимали, ея величественная пре-

лестъ , благородно - высокій характеръ ея фizioноміи , поэзія стиховъ , исполненныхъ гармоніи и мыслей , все уносило меня въ недовѣдомую область , въ міръ , гдѣ я испытывалъ новыя , сладчайшія чувствованія ; и когда пѣніе кончилось , дабы не обрушиться вдругъ на землю , я остановился на нѣсколько времени въ наружной галереѣ купола , откуда во всемъ великолѣдіи могъ созерцать сей эфирный сводъ , отъ котораго не хотѣлъ бы оторваться .

Дельфина — (я позволяю себѣ говорить объ ней , какъ говорятъ о великихъ людяхъ) — *Дельфина* рождена для поэзіи . Ея поэзія вся — жаръ , и однако оплачивается чистотою и исправностію : въ ней господствуетъ искренность , высота и простодушіе генія . *Дельфина* не выискиваетъ предмета , который хочетъ воспѣвать ; ея стихотворенія суть плоды внезапнаго и непреодолимаго вдохновенія , ее увлекающаго : она становится тогда истинной жрицей Аполлона ; и сей богъ открываетъ ей таинства , коихъ собственная ея непорочность не доискалась бы въ глубинахъ сердца человеческого . Но , сошедши съ пророческаго преножника , *Дельфина* становится доброю , простою , крошкою дѣвучкою :

Она любить дѣтскія рѣзвосты, забавляюща куклою, занимается игрушками; чуждая всякихъ припязаній, она думаетъ о своей лири только тогда, когда прикасается къ ней; и всегда, какъ будто невольно, покидаетъ сферу, въ которой ей такъ пріятно, дабы возсѣсть на колесницу славы, гдѣ столько торжествъ ей предшесцвуетъ.

Къ числу знаменитыхъ женщинъ Франціи принадлежатъ также *Гжа А. Тастю*, коей поэтическій талантъ весьма замѣчателенъ. Она представляетъ въ себѣ рѣдкій образецъ славы, составленной безъ всякихъ постороннихъ средствъ и усилій. *Гжа Тастю* живетъ только въ кругѣ семейномъ и въ небольшомъ обществѣ, гдѣ можетъ, можно сказать, въ полголоса, какъ будто бояся быть олышной для многихъ; все въ ней ознаменовано простотой и скромностью; жизнь ея есть непрерывное самоопроверженіе. И между тѣмъ какъ легко бы ей явился въ блескѣ и шумѣ! Какъ полюбили бы ее и *Гжу Ваярты*, мать ея, которая сообщила ей любовь къ искусствамъ и внушила уваженіе къ добродѣтели! Ея стихотворенія восхищаютъ прелестью, свѣжестью и чувствомъ: спрой

спиховъ ея всегда сладкозвученъ, выраженіе легко и красиво, мысли важны, разнообразны, глубоки, привлекательны. Читай ихъ, невольно задумываешься; естъ между ними заспавающія сладко вздохнушь, другія испоргають слезы своею плѣнительною меланхоліею: вообще всѣ онѣ напишаны чувствительностію безъ напряженія, благочестіемъ безъ хвасовства, набожностію безъ лицемѣрія. Собраніе спиховореній ея можно давать безбоязненно молодымъ дѣвушкамъ: онѣ не распаляють ихъ воображенія шѣмъ, чего не должно знать, но вдохнушь все, что можешь возвысить и просвѣшлишь ихъ души.

Трепье поэпическое диво Франціи естъ молодая дѣвушка изъ Нанша, *Элиза Меркёръ* (*Mercœur*), которая, едва вышедши изъ младенчества, оказала въ себѣ высокое вдохновеніе. Она только-что явилась: но ея опыты обещають великой поэпическій талантъ; они привѣщивованы были вниманіемъ высокихъ особъ и вознаграждены одобреніемъ знаменитаго Лямартина.

Парижъ заключаеть въ себѣ множество женщинъ - художницъ. Ихъ спарѣйшиной можно назвать *Гжу Лебрюнь*, которую я иногда выдаю и которая со-

справила себѣ имя въ живописи. Въ лѣпахъ преклонныхъ, *Гжа Лебрюнь* сохранила всю живость молодости; ея бесѣда остроумна и занимательна; она особенно пріятна тѣмъ, что оживляетъ въ себѣ всѣ формы минувшаго времени, всѣ преданія прежняго хорошаго тона. *Гжа Лебрюнь* говоритъ такъ умно и прилично, что ее не уснешь слушать; особенно оплещается она изображеніемъ характеровъ; и ея словесные портреты имѣютъ также удивительное сходство. Никто лучше ее не знаетъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XVI и начала революціи. Она пригошовляетъ записки объ этой эпохѣ, коихъ ожидаютъ нетерпѣливо. Картины *Жи' Лебрюнь* уважались весьма и уважаются донинѣ. Теперь она живетъ заслуженной художницей и вспоминаетъ о своемъ искусствѣ только для того, чтобы давать молодымъ людямъ совѣты, пріобрѣтенные долговременной опытносью.

Гжа Монжезъ (Mongez), воспитанница Давида, шла по тому же поприщу съ неменьшимъ успѣхомъ. Огромность полотна никогда ее не пугала: она искусна въ рисунокъ и владѣетъ тайной колорита. Бя Персей, освобождающій Андромеду, и Клятва Семи

Вождей предъ Оивами, дѣлающъ честь ея кисти.

Въ твоей коллекціи есть двѣ картины *Гжи Годабург-Леско (Haudebourg - Lescot)*, которой талантъ вполне заслуживаетъ уваженіе. Сія художница, коей кисть оплачивается остроуміемъ и твердостью, легкостью и граціей, кажется, посвятила себя изображенію національныхъ сценъ нашей родной Италіи: наши игры, нравы, праздники, обряды, процессіи, суть особенно любимые предметы ея кисти. Мы обязаны ей признательностію, но похвалы наши тѣмъ не менѣе неприспрасны. Французы особенно цѣнятъ ея мѣлкія произведенія; они ищутъ ихъ на расхвѣхъ и не безъ причины.

Назадъ пому нѣсколько времени, я ходилъ, въ качествѣ проспаго любителя, посѣтивъ мастерскую *Гжи Жакото (Jacotot)*, которая довела живопись на финиши до небывалаго совершенства. Сія художница также принадлежитъ отчасти къ намъ, по особенной склонности копировать нашего Рафаэля. Она имѣетъ особенный талантъ передавать божественное искусство великаго художника: ея Мадонны, списанныя съ Рафаэлевыхъ, можно назвать

впорыми оригиналами. Я видѣлъ у ней Вдохновенную Коринну, списанную съ прекрасной картины Жерара; портретъ Анны де Болейнъ, въ которомъ нечѣмъ поживишься зависти; Данаю, Жироде, прелестную и рисункомъ и колоритомъ; портретъ Горшензіи Манчини, за который не пожалѣлъ бы я ничего, такъ онъ очаровалъ меня. *Гжа Жакото* копируетъ, какъ шворитъ; это удивительное чудо, которое должно видѣть, чѣмъ понять. Она занимаетъ, на Вольперовой Набережной, комнаты, великолѣпно убранныя, но коихъ лучшее украшеніе, неоспоримо, суть ея собственныя картины.

Я вышелъ отъ ней, чѣмъ пойти заказать свой миніашюрный портретъ *Гжѣ Мирбель*, извѣстной между художниками подъ именемъ *Лексинской (Leksinska)*. Ея умъ, прелести и искусная кисть доставили ей высокое покровительство. Говорятъ, что Людовикъ XVIII, монархъ, умѣвній достойно цѣнить заслуги, любилъ бесѣдовать съ *Гжею Мирбель* и часто приглашалъ ее во внутренность Королевскихъ чертоговъ. Это не удивляетъ меня и ни сколько не удивитъ тѣхъ, кои имѣютъ удовольствіе знать ее.

Само собою разумѣется, что небольшимъ числомъ именъ, упомянутыхъ шеперь мною, не ограничивается списокъ женщинъ, славящихся во Франціи умомъ и талантами. Есть множество, о копорыхъ я не говорю ничего; ибо это такой предметъ, копорого за одинъ разъ испощить не возможно.

VI.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— РѢчь о купеческомъ званіи, и особенно въ Россіи, читанная на торжественномъ актѣ, послѣ открытыхъ испытаній, въ Московской, Практической, Коммерческой Академіи, 10-го дня, 1832 года, Николаемъ Полевымъ, Московскимъ купцомъ, и ордена Св. Анны 3-й степени Кавалеромъ, Членомъ Совѣта оной Академіи, дѣйствующимъ Членомъ, состоящимъ при Академіи, Общества любителей Коммерческихъ Знаній, Санктпетербургской Академіи Наукъ Членомъ-Корреспондентомъ, Московскаго Отдѣленія Мануфактурскаго Совѣта Членомъ, и ученыхъ обществъ: Московскаго, Исторіи и Древностей Россійскихъ, Московскаго Любителей Россійской Словесности, Московскаго Испытателей Природы, Санктпе-

тербурескаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности и Казанскаго Любителей Отецественной Словесности Дѣйствительнымъ Членомъ. Москва, въ Типогр. Августа Семена. 1832. а).

Уже въ другой разъ, кажется, *Г. Полевой* говоришь публично рѣчи въ Московской Практической Коммерческой Академіи. Первое слово его было о томъ знаменишомъ *невещественномъ капиталѣ*, который сдѣлался въ послѣдствіи припчею журнальною; на эпошъ разъ онъ выбралъ предметъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ бѣльшей части посѣвшихелей коммерческаго учебнаго заведенія — о *купеческомъ званіи и особенно въ Россіи*. Принимая на себя обязанность разсмотрѣть крипически эпоу рѣчь, рецензентъ думалъ, что взыскашельность крипики должна соразмѣряться съ припзаніями авшора;

а) Чишатели, можете быть, удивитесь, встрѣтивъ въ отдѣленіи *Телескопа*, посвящаемомъ разсмашиванію замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной словесности, длинный разборъ ничтожной брошюрки, коей памяшь должнабъ была погибнуть безъ шума. Но вся лишерашурная дѣшельность *Г. Полеваго*, шворца ея, не есть ли замѣчательное явище въ дѣшописяхъ нашей словесности? А между надѣлами его, брошюрка сія имѣетъ шо ошличительное преимущество, что совершенно кончена и сѣдовашельно имѣетъ цѣльность, необыкновенную въ промаведеніяхъ *Г. Полеваго*. Пришомже самъ *Г. Полевой* придалъ ей особенную важность, ошлагивъ заглавный листъ ея всею шажестіею своего огромнаго, *благопріобрѣтеннаго* шишула — онъ, который, бывало, хвастался своимъ ошешоченіемъ прошивъ всѣхъ ученыхъ и неученыхъ шишуловъ! Изд.

и пошому *Г. Полевой* не въ правѣ жаловаясь на спрогоспъ разбора, не принявъ самъ труда разсмопрѣшь основашельно: чшо онъ хотѣлъ сказашъ въ рѣчи своей и, особенно, какъ онъ говоришь. Присшупимъ къ разбору.

Рѣчь начинаешся благодарнымъ воспоминаніемъ объ основашельхъ Академіи (сп. 1). Изъявивши пошомъ *отъ глубины сердца* благодарносшъ посѣщипелямъ, авторъ распрощраняешся о безсмертіи добра на землѣ, которое *горитъ въ океанѣ алой зари* (с. 2); *осмѣливается полагать, что Академія съ увеличеніемъ средствъ сильнѣе будетъ участвоватъ въ великомъ дѣлѣ образованія и воспитанія купеческаго сословія*: пошому чшо *сильнѣе обращается нынѣ кровь (!) въ Государственныхъ жилахъ Россіи; дѣятельнѣе движутся теперь члены (?!) сего огромнаго исполина Сѣвера* (с. 3); наконецъ упомянувши о *выставкахъ*, возвѣсшилъ: чшо сознаніе своего достоинства засшавляешъ углублятьсѣ (?) въ *разсмотрѣніе своего мѣста въ кругъ другихъ Государственныхъ сословій, въ изслѣдованія о томъ, что можемъ мы (ш. е. купцы) дѣлатъ для нашего отечества, какія средства имьемъ мы, и должны употребить для оправданія благости Царя, надеждъ отгизны, счастія насъ самихъ и дѣтей нашихъ* (с. 4). Вотъ предложеніе рѣчи. Эшо не даешъ однакожь права думашъ, чшобы *Г. Полевой* хотѣлъ означить эшо мѣсто указаніями на какія-либо существующія пошановленія или опредѣлишь сія *средства* какими нибудь спашиспическими вычисленіями; ничего не бывало: эшо шребовало бы труда, соображеній. *Г.*

Полевой во всемъ умѣетъ найдти сторону легчайшую: рѣчь его естъ чистое дѣло его разумѣнія. Посмотримъ же какъ онъ углублялся въ *разсмотрѣніе и изслѣдованія*.

Опѣ первой часши предложеннаго вопроса *Г. Полевой* ошдѣльвается. *Не въ наше время, говоришь онъ, препираться о первенствѣ сословій* (с. 4); и въ слѣдъ за шѣмъ смиренно продолжаетъ: *Мининъ и Пожарскій . . . пославленные рядомъ!.. да будутъ нынѣ и навсегда, эмблемою (?) нашею!* (ib). Вспавочное выраженіе: *равно движимые на спасеніе и славу отечества*, здѣсь ничего не значишь; ибо, благодареніе милосердому Промыслу, рѣдко бывающъ случаи, въ кошорыхъ бы опечесшво нуждалось въ *движеніи на спасеніе*. За шѣмъ слѣдуетъ брашское увѣщаніе: *мы должны ревновать другъ другу не тщеславною горделивостію, и не спорами о преимуществѣ одного сословія передъ другимъ; не тѣльными хартіями, не пыльною лѣтописію, едь для неславнаго потомка записаны дѣла великихъ предковъ, должны мы и доказывать наше достоинство* (с. 4.). Какъ будшо въ наше время кшо-нибудь имѣетъ надобность въ эшомъ увѣщаніи *Г. Полеваго!* Оно могло вовлечь его въ сосязаніе во времена Простяковыхъ съ ихъ роднею Скопиниными; но новосшю не было уже и при коспрѣ мѣстничества! Да и къ чему, попомъ, всѣ уподобленія, *что все въ природѣ имлетъ свое мѣсто?* Признаюсь: въ эшой литературной вешоши, я не узнаю *Г. Полеваго* съ его всегдашнимъ опшращеніемъ ко всему спашрому и съ прешензіями на новосшь.

За симъ непосредственно начинается метафизика. Человѣкъ двойственъ — ошкрываетъ Г. Полевой — духъ и тѣло, Ангелъ и плоть — (прошивоположеніе новая : до сихъ поръ Ангелу прошивоспавляли что-то другое!) — *нетленъ и брениъ, Царь, рабъ, зверь, Боеъ, выражаясь словами поэта* (с. 4). Какъ это все близко къ купеческому сословію! — Общество *человѣческое* — продолжаятъ орапоръ — *будути составлено изъ челоуѣковъ* (непремѣнно!) *отражаетъ въ себѣ тѣже самыя стихіи, въ тѣхъ же самыхъ находится отношеніяхъ* (къ чему? съ чѣмъ?) *въ какихъ каждой челоуѣкъ частно* (с. 5). — Дополнивъ всѣми усиліями недоспапокъ грамматическаго смысла въ этой фразѣ, не лзя не догадашься, что подъ нею скрывается совершенное пуспословіе. Это поже, какъ еслибы кто-нибудь съ важностью началъ проповѣдывать, что общество *человѣческое*, *будути составлено изъ челоуѣковъ*, имѣетъ шѣже самыя носы, шѣже самыя уши, копорыя имѣетъ *каждый челоуѣкъ частно*! — Можно бы сказать — продолжаешь вишія — *что общество выражаетъ челоуѣка въ пространствѣ, какъ челоуѣкъ общество во времени* (ib.). — Здѣсь ошъ пуспословія Г. Полевой переходишь очевидно къ пуспомуслію. Ибо нѣтъ уже никакого способа доискашься самадѣйшей шѣни какого бы то ни было смысла въ сей, довольно впрочемъ зашѣйливой, риторической игрѣ словъ. Но изобрѣтательность орапора неисшощима: за этою галимашею слѣдуешь новая. — *Въ самомъ дѣлѣ, чишаемъ мы далѣе, жизнь челоуѣка не вся ли раздѣляется* (?)

разнообразными удовлетвореніями потребностей и наслажденіями моральными и вещественными? — Чшобы повѣришь эшо въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ челоѡвка любознательнаго, кошорый, прочишавъ приглашеніе на Торжешшвенный Акшъ Пракшической Коммерческой Академіи, попалъ на рѣчь о купечествѣ. Спрашиваю: какую пошребность его она удолешворила: ибо не думаю, чшобы общешшвенное приличіе не удержало его опъ пошребности или наслажденія зѣвашъ при эшомъ тшшсловіи. — Чшо же общество? вопрошашь наконецъ орашоръ. Выраженіе въ лицахъ всѣхъ потребностей, всѣхъ страстей, всѣхъ наслажденій челоѡвка (с. 5). — За эшу ничего невыражающую фразу нельзя вспушиться пошому, чшо вдругъ за нею слѣдующъ мысли слишкомъ необыкновенныя: каждая потребность, каждая нужда, каждое стремленіе челоѡчешское импютъ въ общество свое, такъ сказать, представителѣ. Эшо явно введеніе началъ Нашуральной Философіи въ дѣла жишейскія! Оно общашь чудеса! Подождемъ шолько, какъ Г. Полевой управишся съ эшою репрезентаціею, и не прогнѣвашь ли инаго, взваливши на него обязанность бышъ предшавишелемъ иной челоѡческой нужды? — Смѣхъ и горе! — За симъ мешафизическимъ опредѣленіемъ общества, Г. Полевой, пользуясь правами орашора, прибѣгашь къ ришорическимъ амплификаціямъ опъ противнаго, подобія, примѣра и ш. д. Толковавъ въ первой своей рѣчи о Невещешшвенномъ Капиталѣ, чшо челоѡчешство ешш одно большое семейштво, а семейштво —

малое государство, и находя ашо опимѣнно глубокою мыслью, онъ повпоряешъ здѣсь снова самаго себя. У него опять каждое государство есть членъ великаго семейства челоувѣства; и пошомъ переходя отъ великаго къ малому — какъ онъ выражаешся — отъ размѣровъ огромнѣйшихъ обратно, у него опять члены каждаго семейства являютъ намъ малое государство и всѣ званія государство составляющія (с. 8). Впрочемъ ашу любимую мысль свою, къ сожалѣнію, онъ совершенно испребляешъ самъ чрезъ спраицу; возвращаясь опять къ семейшвамъ и государшвамъ, онъ уже замѣчаешъ разницу: между тѣми и другими такое же различіе, какъ между простою плснью первообытнаго челоувѣка и божественною эпопеею Омистра (с. 10). Такъ-шо воображеніе его забавляешся, ломая само себя! Жаль только, что, для большей пошѣхи слушапелей и чипашелей, Г. Полевой, споль свѣдушій во всякаго рода древноспяхъ, не пошрудился объяснишь, какія плсни пѣвалъ первообытнѣй челоувѣкъ; ужъ не нашу ли: *Внизъ по матушкѣ по Волѣ!*,... Смылымъ, орашорскимъ скокомъ, перекидываешся онъ пошомъ отъ семейшвъ къ Спрашному Суду. Тамъ — взываешъ онъ велегласно — *станутъ всѣ вкупѣ, Царь и воинокъ, богатѣй и убогѣй въ равномъ достоинствѣ, когда предъ лицемъ Господа кійждо отъ дѣлъ своихъ, или прославившея, или пошпыдидшея. Но сокрываа божественное начало, готовясь къ вѣчной, лучшей жизни, челоувѣкъ долженъ преидти здѣшнее, мірское пошрище, и только цѣною здѣшняго,*

земнаго странствованія, покупаетъ благо за-
могильнаго, вѣчнаго блаженства (с. 5). Здѣсь
оспанавливаемъ насъ одно только небольшое со-
мнѣніе. Неужели, по совѣсти, Г. Полевой думаетъ,
что напоминаніе о Спрашномъ Судѣ, о дѣлахъ каж-
даго, можешь имѣть мѣсто въ рѣчи о купеческомъ
званіи и особенно въ Россіи? Если такъ, то кри-
тикъ дѣлаетъ нечего: можно только замѣтить, что
и здѣсь еще, на этомъ мірскомъ поприщѣ, мы
доживаемъ иногда до того, что *каждо отъ дѣлъ
своихъ или прославится, или постыдится*. Про-
пусшивъ слѣдующій за симъ ошрывокъ изъ пропо-
вѣди, оспанавливаемся на новомъ переходѣ въ меша-
физіку. Въ самую вещественность — уи-
сцвуетъ Г. Полевой — *долженъ онъ (человѣкъ)
вѣять духъ*. Въ семъ-то уравненіи духа и ве-
щества истинная цѣль и средства счастья, для
человѣка, общества и человечества (сш. 6). —
Вотъ истинно гигантское открытіе! Это ключъ
къ возможному общесшвенному и часшному бла-
годенсшвію. Сшопишь только *подлить* или уба-
вить *духа*, или на оборотъ усилишь *вещество*,
чтобы уравнишь *духъ* съ онымъ — и все пойдетъ
своимъ порядкомъ. Человѣкъ несчастенъ: онъ по-
терялъ жену, или дѣшей; скорѣе за дѣло: уравнай-
ше *духъ* и *вещество* — и все пройдетъ. Человѣкъ
пороченъ, мошенъ, каршежникъ: опять за то же :
посмотрише, не мало ли въ немъ *духа*, или, на обо-
ротъ, не обижаютъ ли онъ *вещества*? Должникъ
не плашинъ долговъ, опкупщики не получающъ
прежнихъ барышей, авшоръ, собравъ подписку
на книгу, забываетъ о подписчикахъ: все это
ощъ того, что нѣтъ *уравненія духа съ веще-*

спивомъ. И попому *Г. Полевой* весьма скромно, еще опзываецся о своемъ опкрыпії, говоря: *незнаніе сей великой истины производило нелптыя мильніа!* Дѣйствительнo истина великая, богатпырская! Въ полномъ сознаніи эпои обширной услуги челоувѣчеству, онъ здѣсь же поржеспвенно вопрошаетъ: *въ вѣкѣ ума и высшаго образованія отстанемъ ли отъ высшихъ идей современнаго просвѣщенія?* и опвѣчаетъ коропшко и ясно: *нѣтъ!* (с. 7). Но эпо еще не все! Послѣ сей блиспашельной апоспрофы, возвращаясь опашь къ семейспвамъ, *Г. Полевой* оспанавливаетъ своихъ слушапелей на помъ времени, *когда челоувѣкъ отсталъ отъ первоначальнаго, семейнаго, слитнаго, такъ сказать, быта; но не достигъ еще полнаго развитія умственныхъ и вещественныхъ силъ въ общество* (сп. 7). Не говоря о связи и послѣдовательности мыслей, копорыми нашъ орапоръ, вѣропшно, пожержпвовалъ силъ и движеніямъ краснорѣчія, дѣйствительнo было бы важно знать шу почку времени, когда челоувѣкъ сдѣлалъ первой шагъ на дорогѣ цивилизація; но *Г. Полевой* спвенравно издѣвается надъ возбужденнымъ любопытспвомъ олушапелей: *да никогда и не было сего* — говоритъ онъ — *но челоувѣкъ только думалъ, что рѣшительное дѣленіе существуетъ, думалъ и ошибался* (с. 6). . . Вопъ такъ-то! И эша неспвязная, безобразная пушаница, эша безполковая галимашья, гдѣ каждое слово спсорипся съ другимъ и безспмыслица погоняетъ безспмыслицу, еспъ шолько еще вспупленіе! Чѣмъ дальше въ лѣсъ, шѣмъ больше дровъ. Продолжимъ!

Разсматривая условія общественности — умислуешь Г. Полевой — мы находимъ два главныя великія дѣленія (чего?): сторону преимущественно вещественную и сторону преимущественно духовную. Отдѣливъ вторую, какъ требующую особаго изъясненія, возьмемъ на первую. Въ ней найдемъ мы жизнь общества и производимость общества; одна составляетъ отношеніе человѣка къ природѣ, другая отношеніе природы къ человѣку. Въ одной, назвавъ ее (?) правопознаніемъ, мы увидимъ взаимныя отношенія государства и отношеніе членовъ каждаго государства одного къ другому (военное и гражданское устройство, соединяющееся въ дипломатіи собственно, составляющей связь права государственнаго и права общественнаго) (с. 8). — Чтò шушь говоришь? Для знающихъ дѣло и грустно и скучно разбираешь подобную бессмыслицу, а для Московскаго Купечества, которому Г. Полевой посвящаетъ рѣчь свою, занятому дѣлами ближайшими къ ихъ сословію, вѣроятно все равно, какъ Г. Полевой ни распредѣляя вещественную и духовную спороны государства. Куда для него должно бышь импересно, чтò Г. Полевой н. п. военное устройство вшыгиваетъ въ дипломатію? Для любопытныхъ однако замѣчу, чтò Государственнымъ Правомъ Г. Полевой называетъ здѣсь то, чтò у ученыхъ извѣстно болѣе подъ именемъ Народнаго Права; а Право Общественное, имѣющее предметомъ обязательныя отношенія между государствомъ и его гражданами, онъ перепутываетъ съ Частнымъ Правомъ, какъ увидимъ ниже. Но эшо бы еще куда не шло! Ново-

вымышленное *Г. Полевымъ* распределение *услугъ общественной (?)* изумляетъ особенно своими необыкновенными слѣдствіями. По сему распределенію *жизнь общества составляетъ отношеніе челоѵка къ природѣ*, а въ жизни общества заключающіяся *взаимныя отношенія государствъ и отношеніе членовъ каждаго государства къ другому*: итакъ, если государство заключаетъ дружественный пактъ съ другимъ, или если отецъ оставляетъ по духовной наслѣдство дѣтямъ, то это будетъ отношеніе *челоѵка къ природѣ!!!* Взаимныя отношенія государствъ у него выражающіяся *устройствомъ военнымъ* — (вѣроятно по простой причинѣ, что государство не воюетъ само съ собою!) — и все, наконецъ, и *военное и гражданское, исчезаетъ въ дипломатію!!!* Устроивши такимъ премудрымъ порядкомъ *жизнь общества*, *Г. Полевой* неменѣе остроумно однимъ очеркомъ означаетъ *производительность природы*. Назвавъ ее *Экономіею Народною* — говоритъ онъ — *найдемъ производительность природы — собственно — (вообще земледѣліе въ обширномъ смыслѣ) — и производительность челоѵка — собственно — (вообще промышленность въ обширномъ смыслѣ) (с. 8).* — Не знаемъ какъ широкъ смыслъ, въ какомъ принимаетъ здѣсь *Г. Полевой* земледѣліе и промышленность; но замѣтимъ, что въ его *производительности природы — собственно* развѣ только одни грибы производятся *природою* безъ управительнаго участія челоѵка, а во всемъ прочемъ, *природа* сама по себѣ столько же мало дѣйствуетъ, какъ и во всехъ операціяхъ *промышленности*. Силь

яя памъ и здѣсь однѣ и шѣже: различіе въ помѣ, что въ земледѣліи онѣ направляются на произведенія веществъ въ шѣхъ формахъ, а въ промышленности въ другихъ; и что при одномъ направленіи участіе челоѣка, такъ сказать, длится, а при другомъ оно бываетъ періодически; и пошому, это дѣленіе на производимость *природы* и производимость *челоѣка*, схваченное *Г. Полевымъ* вѣроятно при чтеніи какихъ-либо преній относительно сравнительныхъ выгодъ промышленности мануфактурной и промышленности земледѣльской, въ приложеніи къ общесшвенному устройству, ни какаго смысла имѣть не можетъ: ибо доказано уже, что для челоѣка, находящагося въ граждансшвенномъ состояніи, ни природа сама по себѣ не производительна, ни онъ ни чего сдѣлать не можетъ безъ содѣйствія силъ природы. Для науки это старые обноски. Оспашается только рѣшится: имѣешь ли это какое-либо отношеніе къ Московскому Купечеству? Но вошъ, быть можетъ, приложеніе: *если мы хотимъ*, говоритъ *Г. Полевой*, *избрать представителей сшхъ двухъ великихъ предметовъ жизни общественнои, они будутъ — чиновникъ и купецъ. Въ первомъ званіи заключится: чиновникъ военный, гражданскій, дипломатическій; въ другомъ владѣлецъ земли и капитала, заводчикъ, фабрикантъ и торговецъ* (с. 8). Вошъ такъ-шо! Не могли торговцевъ помѣстить въ чиновники, *Г. Полевой* по крайней мѣрѣ всѣхъ владѣльцевъ земли, фабрикъ и заводовъ дѣлаешь *купцами*. *Хотимъ ли приискать*, продолжаетъ онъ, *два другеія названія, общія, родовыя всѣмъ сшмъ*

членамъ общества. Они будутъ: дворянинъ и гражданинъ (с. 8). Вся эта номенклатура, совершенно произвольная, ничего не значить: все это *мыслие Г. Полеваго* ни къ чему; эта забывшая, опрокинутая химера не заслуживаетъ и опроверженія. У насъ существующій порядокъ вещей основанъ на извѣстномъ распредѣленіи классовъ; каждый изъ нихъ имѣетъ присвоенное ему названіе и опредѣленный кругъ правъ и обязанностей: слѣдовательно произвольные толки и пересуды о семъ предметѣ если и не вредны — (это значило бы приписать имъ много чести!) — то по крайней мѣрѣ совершенно безполезны.

Раздѣленіе *великихъ предметовъ жизни общественной*, какъ выражается *Г. Полевой*, чтобы кинуть пыль въ глаза, поставлено у него въ совершенной гармоніи съ раздѣленіемъ Наукъ Политическихъ, шупъ же въ особенной выноскѣ помѣщеннымъ. Доѣхалъ наконецъ и Политическія Науки! *Соображая объемъ и стихи Государственнаго*, говоритъ нашъ оракторъ, *находимъ, что оно состоитъ изъ двухъ главныхъ сторонъ: Правоустройства и Духообразованія. Правоустройство* онъ дѣлитъ попомъ на двѣ части: *право лицъ и право вещей (с. 7).* До сихъ поръ въ юрипруденціи знали только право на вещи; но чтобы вещи имѣли право, это открытіе нашего достойнаго соотечественника! Въ слѣдствіе этого открытія можно будетъ опыскивать права каждаго болоша и тому подобное. *Право лицъ состоитъ изъ отношеній Государства къ другимъ Государствамъ (Право Государственное)* — (мы видѣли уже, что эти отношенія

образуютъ Право Народное; при томъ права ^{они} не состоятъ изъ отношеній, но происходятъ изъ нихъ) — и — продолжаешь ораторъ — изъ ^{этихъ} ~~отношеній~~ подданныхъ взаимно (Право Частное). Представители первого суть военные, другого уголовные чиновники, связь тѣхъ и другихъ составляютъ дипломатическіе и гражданскіе собственно чиновники (Дипломатія и Судоустройство) (ib). Ишакъ выходишь, что въ выносѣ Правомъ Частнымъ Г. Полевой называетъ то, что въ шекспѣ у него было Право Общественное, и что представителями сего Права уже не гражданскіе чиновники, какъ въ шекспѣ, но уголовные; гражданскіе же чиновники вошли въ связь, чтобы вмѣстѣ съ дипломатическими сдвинуть эти Права, Государственное и Частное, въ Дипломатію, которой для компаніи придано еще Судоустройство. Смѣю спросить каждого, имѣющаго хотя энциклопедическія понятія о Политическихъ Наукахъ: есть ли шупъ какой-либо шолкъ? Не говорю уже о томъ, имѣешь ли вся эта нелѣпица какое либо отношеніе къ предмету рѣчи — къ купеческому сословію! Другая часть правоустройства, продолжаетъ Г. Полевой, объе-млетъ права вещей, дѣлясь на производительности природы и производительность чело-вѣка. Объ этихъ производительностяхъ мы уже говорили; здѣсь сдѣлаю шолько сличеніе съ шекспомъ. Тамъ Г. Полевой производительнію природы общшвенно называетъ вообще земледѣліе въ обширномъ смыслѣ, въ выносѣ же онъ эту производительность подраздѣляетъ такимъ образомъ: земледѣшество, горнозаводство, звѣроловство и пр.: ишакъ выходишь, что

здоровствѣ *Г. Полевой* относитъ къ земледѣ-
 цю. Въ слѣдъ за симъ *Г. Полевой* берется опять
 за предъавишельную систему: *представители*
земледѣлія — *производители свободные* (??)
 и *владѣльцы земель*; *представители второй*
суть ремесленники, художники, фабрикан-
ты, заводчики, капиталисты. Тутъ пупаницъ
 конца нѣтъ: такъ на пр. *горнозаводство Г.*
Полевой отчисляетъ къ производимости *при-*
роды, а заводы просто — къ производимости *че-*
ловѣка. Выросшишь, на пр., хлѣбъ на полѣ,
 сжаль его — будетъ относиться къ производимости
природы; а свезши его съ поля въ овинъ — бу-
 детъ дѣло производимости *человѣка*!! Такимъ
 образомъ, по умышленіямъ *Г. Полевого*, являет-
 ся намъ вещественная сторона каждаго Госу-
 дарства въ двѣнадцать разныхъ сословіяхъ, кои
 суть: *военный чиновникъ, воинъ, гражданскій,*
дипломатическій, полицейскій (охраняющій)
 и *геоловный* (наказывающій) *чиновники, земле-*
дѣлецъ (въ обширномъ смыслѣ), *владѣлецъ зем-*
ли, купецъ, негоціантъ, ремесленникъ, ка-
питалистъ (сюда относятся фабрикантъ и
 заводчикъ). Выписавъ это пречудное раздѣленіе
 сословій, рецензентъ могъ бы найдши справедли-
 вый предлогъ пошупишь надъ ораторомъ, но,
 безъ смѣха, неужели *Г. Полевой* самъ думаетъ,
 что фельдмаршалъ, какъ *военный чиновникъ*, уже
 не *воинъ*, и офицеръ, славъ въ ряды простыхъ *во-*
иновъ съ ружьемъ въ рукахъ вмѣсто шпаги, не есть
 уже *военный чиновникъ*? Неужели *чиновники ди-*
пломатическіе и полицейскіе что-нибудь другое,
 нежели *чиновники гражданскіе*? Что это за сосло-

віє чиновниковъ *наказувающихся*? Конечно *Г. Полевой* разумѣлъ при этомъ не членовъ же Уголовныхъ Палатъ и Департаментовъ Уголовныхъ Сената, которые разсматриваютъ только пресуппныя дѣйствія согражданъ? Оспасається, чишо это сословіе нижнихъ полицейскихъ служителей и еще нѣсколько несчастныхъ, которыхъ я не хочу называть, исполняющихъ приговоры закона. Въ какомъ же царствѣ - государствѣ *Г. Полевой* открылъ цѣлое сословіе этихъ наказуемыхъ чиновниковъ? Далѣе: почему *земледѣлецъ* и *владѣлецъ* земли составляютъ различныя сословія: много владѣльцовъ сами земледѣльцы; и чишо это за земледѣлецъ *въ обширномъ* смыслѣ? Неужели купецъ, представившій промышленность, по его же собешвенному выраженію, человекъ другого сословія, нежели *негоціантъ*, или *капиталистъ*? Чишо такое купецъ безъ капитала? Какое его занятіе? Развѣ одно названіе составляетъ вещь? Но мы потерялись бы въ вопросахъ, еслибъ захопѣли преслѣдовать подробно весь этотъ пустой наборъ словъ. *Двадцать сословій*, на которыхъ *Г. Полевой* дѣлилъ шакъ хипроумно *вещественную сторону* *каждаго Государства*, напоминающъ намъ извѣстныхъ въ нашихъ старинныхъ сказкахъ *семь Семіоновъ*, которые *всѣ голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ*, и между коими разницу видишь только одинъ зоркій глаза *Кащея-безсмертнаго* или *Соловья-разбойника*!

Читая далѣе въ рѣчи *Г. Полеваго* о *духообразованіи*, которое онъ раздѣляетъ на двѣ части, на *управленіе правами* и *управленіе произво-*

*дѣлательностію ума, я ничего не могу теперь замѣ-
нить о тѣхъ двѣнадцати моральныхъ сослові-
яхъ, на которыхъ опирается это духовнообразова-
ніе. Не скрою однакожь неперпѣнія, съ какимъ ожи-
даю того времени, когда Г. Полевому угодно будетъ
сдѣлать это предметомъ особеннаго обширна-
го сочиненія. Предвижу, съ какимъ глубокомыслі-
емъ и проницательностію Г. Полевой въ этомъ со-
чиненіи разберетъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ без-
совѣстіе, безспыдство и плутовство въ разныхъ
видахъ, увершываясь отъ преслѣдованія законовъ,
нагло и позорно оскорбляютъ общественную нрав-
ственность. Онъ покажетъ намъ, какого презрѣ-
нія заслуживаетъ гражданинъ неблагодарный,
сегодня пресмыкающійся предъ человекомъ ему
нужнымъ, а завтра поносно издѣвающійся надъ
нимъ, если потребуютъ сего его выгоды. Г.
Полевой укажетъ намъ мѣру общественнаго от-
верженія къ тѣмъ опаснымъ лицамърамъ, кото-
рые, надсѣдая въ хвалебныхъ возгласахъ силь-
ному, чахнутъ отъ зависпм кѣ ближнимъ
и гошovy все ломають и коверкають, лишь бы
обратили на себя общественное вниманіе. Онъ
располкуетъ намъ, какого наказанія заслужи-
ваютъ тѣ публичные грамаши, азбучники,
которые изъ лиспковъ своихъ дѣлають гнѣзди-
лице сплешней, каверзъ и бездушія; которые ру-
гая одинъ другаго на весь свѣтъ сегодня, завш-
ра цѣлуются, обнимаются..... до первой кост-
ти. Въ отдѣленіи объ управленіи производитель-
ностію ума, Г. Полевой лучше нежели кто-либо
другой можетъ намъ доказать, почему дол-
жно основательно поучиться прежде, чѣмъ*

охопа или корысть насунуть насъ на бумагу. Онъ объяснишь намъ эту гнусную журнальную тактику, которая вытѣснила изъ нашихъ періодическихъ изданій безприсрастіе и скромность, сдѣлавъ ихъ корсерами нашей безпомощной лихеражуры. *Г. Полевой*, вѣроятно, опредѣлишь срокъ, когда должно собирать поджиску на сочиненія, и чему подвергать должно парламентаріумъ, выманивающихъ у простодушныхъ деньги на одно заглавіе несуществующихъ сочиненій, и попомъ безсмысленно собирающихся чужими крохами, обругавъ сперва, для опвода, писателей, которые пишемъ, честнымъ трудомъ, пригласили имъ возможность умничать и величаться. Пора, пора намъ уславъ о нравахъ! Не медлите *Г. Полевой*, скорѣе намъ ваше *особенное, обширное сочиненіе*: это будетъ великій современный подвигъ!!!

Обратимся къ разбору рѣчи.

Есть различныя названія сословій — говоришь далѣе *Г. Полевой* — *слѣдственно*: есть *существенное различіе между ними* (с. 9). Причина уважительная, точно такъ, какъ еслибы кто сказалъ: есть различныя названія органу зрѣнія (око и глаза), слѣдственно есть въ немъ существенное различіе. Существенное различіе въ сословіяхъ всего мѣнѣе зависитъ отъ ихъ названій. Конечно, это мелочь, и подковашъ объ ней не стоило бы; но она годится для соображенія, чтобы сославивъ точное понятіе о логическомъ образованіи оратора. Но, говоря, собственно, *ММ. ГГ.* — продолжаетъ *Г. Полевой* — *сіе различіе совершенно отягченное,*

Телеск. Ч. IX.

26

Вопръ вамъ и существенное разлитіе. А почему такъ? *Потому что каждый изъ насъ*, какъ гражданскій дѣятель *есть чиновникъ*, и *каждый чиновникъ*, какъ производитель невещеспвенный или вѣщеспвенный, *есть купецъ* (с. 9). Нѣтъ, государь мой, что нибудь да не такъ: тутъ различіе не ошвлеченное, но существенное, зависящее отъ *исключительнаго направленія* жизни того и другаго сословій. У дворянина служба общеспвенная — цѣль; у купца — дѣла собственныя. У дворянина промышленность должна быть *средствомъ*, у купца она цѣль. Какъ *гражданскимъ дѣятелемъ*, купецъ является *срочно, временно, и не каждый*; дворянинъ же обязанъ *каждый, постоянно, всегда*. Говоря примѣромъ: каждый изъ насъ молился Богу, но не каждый изъ насъ по вѣному священнослужителю, точно такъ какъ и купецъ не будетъ чиновникомъ по вѣному, что ему придется по выборамъ посидѣть въ Магистратѣ или въ Палатахъ. Тутъ все, повторю, зависить отъ *исключительнаго направленія въ предметахъ занятій*, и шолковать объ вѣномъ: что чиновникъ — купецъ, а купецъ — чиновникъ, во всѣхъ отношеніяхъ дѣло безполезное. И такъ какъ всѣ званія полезны для государства, и слѣд. почтенны, то клики *Г. Полеваго*: *повторимъ еще да будетъ для насъ священны права и отличія каждаго сословія, да будетъ каждое изъ нихъ по вѣному въ исполненіи своего долга* (с. 9) — совершенно излишни. Права и отличія каждаго сословія почтенны и священны и безъ возгласовъ *Г. Полеваго*. Онъ слишкомъ беретъ на себя много, принявшись убѣждать: *да будетъ*

що, да *будеть* другое: оно уже *было*, *есть* и *будеть* и безъ нашихъ выключекъ. Успроисство гражданскаго общества зиждеться на неимѣнной природѣ вещей и не подчиняеться видамъ какого-нибудь журналиста. *Всѣ они* (сословія) *необходимы* продолжають брашоръ, и попомъ чрезъ нѣсколько строкъ, какъ бы сомнѣваясь, что ему вѣряють, принимається опять за то же: *званіе купца, столь же почетно, благородно и необходимо какъ и другіа званія* (с. 10). Да помилуйше, Г. Полевой, кто въ этомъ сомнѣвается? Нужно ли доказывать, что ноги для челоуѣка столь же необходимы, какъ руки и голова? Побойшесь Бога.

Въ слѣдъ за симъ нашъ брашоръ намекаетъ, что купецъ, родившійся купцомъ, долженъ и оставаться въ торговомъ сословіи: *въ немъ еси призванъ, въ немъ и пребываетъ* а). Не касаясь здѣсь неумѣстнымъ разборомъ, оцѣ что у насъ не держується купеческіа семейства, замѣчу, что полишическое явленіе сіе ни мало не ведееть къ тому, чтобы изъ торгующаго сословіа, равно какъ изъ какого-нибудь другаго, должно успроисить кашу. Порядокъ обществѣнности имѣеть у насъ совершенно другія основанія, и наше Правительство всего менѣе осуждаеть переходъ изъ одного сословіа въ другое. Получа уволь-

а) Текстъ сей искаженъ Г. Полевымъ, выписавшимъ его, вѣроятно, по памяти; и сіе искаженіе изобличаетъ въ немъ совершенное невѣденіе самыхъ первыхъ грамматическихъ основаній церковнаго Славянскаго языка. *Бси* — второе лице, а *пребываетъ* — шестое. Такъ не могутъ противурѣчать другъ другу соотвѣствующіе глаголы въ фразѣ. *Лзд.*

неніе опъ того общества, къ которому принадлежишь, у насъ всякой можешь войти въ Университетъ: учишь, сдѣлаешься годнымъ для общественной службы и пооди на всѣ чешыре стороны. Будь медикомъ, юристомъ, воиномъ: Правительствомъ равно привѣтливо людямъ съ дарованіями. Ваяны только мѣры, чтобы какой нибудь Типулярный Совѣтникъ, записанный гдѣ-нибудь на службѣ въ Судебномъ мѣстѣ, не пороговалъ въ магазинъ. Не знаю, къ чему, пошомъ, можешь служить орапорское движеніе *Г. Полеваго: среди насъ, быть гражданиномъ первопрестольной, древней столицы Царей Русскихъ, быть по мѣрѣ силъ и возможности, достойнымъ сподвижникомъ вашимъ — мысль возвышающая душу каждаго согражданина вашего!* (10) — Будучи Русскимъ, я шакъ же радъ бы возвыситься душою съ *Г. Полевымъ*, еслибы видѣлъ причину, опъ чего мысль бытъ купцемъ Московскимъ можешь поднимать душу. Развѣ купецъ Московскій что нибудь другое, нежели купецъ Курскій или Аспраханскій? И если у *Г. Полеваго* возвышается душа опъ мысли, что онъ купецъ Московскій, то я нахожу весьма еспешственнымъ, если кто нибудь другой будешь приходишь въ воспоргъ опъ того, что онъ купецъ Пошехонскій! Причина совершенно одна и шаже. Толкуя пошомъ опять о необходимости купеческаго сословія, *Г. Полевой* высказываетъ наконѣцъ безъ церемоніи, что *оъ обществѣ, такъ сказать, естъ купцы, все равно, какъ естъ люди. Вошъ вѣдъ въ чемъ все дѣло!* И хоща пошомъ онъ прибѣгаетъ къ риторической фигурѣ, уопуленію, говоря: но

мы должны обозрѣть сословіе купеческое въ тѣ-
пѣйшемъ смыслѣ; но это только смиренное укло-
неніе: ибо путь же опять начинается мешаполи-
ница, въ коей между прочимъ можно найти ново-
сти, такъ напримѣръ, мы узнаемъ, что торговля
терлется во мракѣ оковъ, что торговля есть
мѣна. Но это, — говоритъ опять Г. Полевой, —
первобытное, простое опредѣленіе: возведемъ его
къ высшему назначенію, и поставимъ въ высшій
объемъ: возведишь къ высшему назначенію, спа-
вишь въ высшій объемъ и находишь, что все-та-
ки торговля — мѣна. Провозгласивши попомъ
афорисмически: безъ силы Государство не мо-
жетъ быть богато; безъ богатства не можетъ
быть сильно (с. 11), онъ восклицаетъ: по-
смотри же на себя съ сей точки зрѣнія граж-
данинъ, взятый, необходимый членъ Государ-
ства, на свое поприще и не завидуя (!!!) *дру-
гимъ сословіямъ*. . . . Скажите, ради Бога,
къ чему и къ кому всѣ подобныя возгласы? За-
симъ орапоръ, пославши одно сословіе съ мечемъ
въ рукахъ защищать опечеснво, а другое отпра-
вивши въ судилища держать мечъ и всы пра-
восудіа, пускается съ купцомъ въ поѣзду: то
онъ движетъ у него богатствами Государствъ,
то побѣждаетъ туземца мирнымъ трудомъ;
то плыветъ море кораблемъ своимъ, то го-
товитъ побѣдные трофеи, то движетъ силы
Государственныя на поле брани, то наконецъ,
стоитъ, предъ лицомъ Правительства, какъ
необходимый членъ Общества, кормилецъ и
обогагитель миллионовъ своихъ собратій. Эта
спраничка, вообще жаркая, плѣнительно разно-

гласишь съ сухимъ и почнымъ спилемъ, принятымъ въ дѣлахъ коммерческихъ. Вошь чпо знаишь возвысишься душою! —

Пропускаемъ призваніе *Г. Полеваго*: *окинуть взоромъ объемъ отгизны* (с. 12): чпо-бы знашь и чувспвовашъ истинное достоинство нашего благословеннаго опечества, для вшаго конечно никто изъ чишашелей рѣчи не имѣешъ надобности въ выходкахъ *Г. Полеваго*; а шѣмъ менѣе еще въ географическомъ урокъ о пространствѣ и произведеніяхъ Россіи, или о томъ, куда побѣды заводили Русскія войска? Обо всемъ эпомъ Московское купечество знаетъ не менѣе *Г. Полеваго*. Само по себѣ разумѣется, чпо не надобно быть слишкомъ спрогимъ и къ выраженіямъ, употребленнымъ въ эпомъ мѣспѣ рѣчи. Такъ, между прочимъ, *Г. Полевой* говоритъ, чпо *Россія только начала свое политическое бытіе*, чпо *въ Исторіи она прочитала только вступленіе*. Фразы сіи можно разсмаширивашъ шолько въ ихъ граммашическомъ качествѣ, безъ всякаго опношенія къ ихъ опносительной истинѣ а). Доказательствомъ этому можемъ служишь шо, чпо уже за нѣсколько лѣшъ предъ симъ *Россія у Г. Полеваго прожила два періода Гобударственнаго бытія* (Телегр. 1826. ч. VII, сп. 215. ч. VIII, спр. 21). Подобныя выраженія употребляются *Г. Полевымъ* по удобству и надобности. Такъ,

а) Впрочемъ послѣдняя фраза *Г. Полеваго* можешъ, кажется, имѣть свою *относительную истину*. Впрочемъ, онъ говоритъ здѣсь о своей *Исторіи Русскаго Народа*, въ *трехъ томахъ* которой добродушная *Россія* дѣйствительно *прочитала шолько два большія вступленія*. Изд.

напримѣръ, въ разбираемой нами рѣчи — мы, въ настоящее время составляемъ только первоначальныя ступени великой лѣстницы вѣковъ, по которой высоко взойдетъ Россія предъ Европою (с. 16); а нѣсколько лѣтъ назадъ Россія уже взошла на эту высокую степень (Телегр. 1826. VIII. 21). Въ рѣчи — Россія чадо желѣзныхъ Норманновъ и миролюбивыхъ Славянъ; а прежде эпи Норманны были только предприимчивые, а Славяне — добродушные (ib). А попому кришикъ и оставляемъ безъ разбора весь эпомъ либерашурный шуалетъ, шакъ какъ и безъ шолковъ ономъ: дѣйствительно ли Европа представляетъ теперь народовъ, отжившихъ уже вѣкъ свой, драхлыхъ, находящихся въ преклонномъ развитіи духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Для повѣрки, шакъ ли думаетъ Г. Полевой въ самомъ дѣлѣ, споймъ шолько заглянушъ въ его Телеграфъ, чшобы увидѣшъ какъ онъ щечиншя ошъ эшихъ старичковъ. Можно бы ошановишъ шолько на шомъ, дѣйствительно ли купечесшву нашому предшоймъ ишхищеніе изъ рукъ иноземныхъ источниковъ богатства (с. 14). Почему ишхищеніе? Гдѣ жъ шупъ семейныя связи народовъ, о которой шакъ много напѣлъ нашъ орашоръ? Справедливо ли и шо въ полишико-экономическомъ смыслѣ, будшпо бы сословію торгующихъ предлежитъ разлитъ доволштво по обширному пространству Государства, извлечь изъ ншдръ его и и изъ ума своего (?) предшеты общественныхъ потребностей, податъ сильную руку на уѣастіе въ самомъ просвѣ-

щеніи (с. 14)? Не слишкомъ ли большую обузу ораторъ налагаетъ на купеческое сословіе? Торговля есть мѣна по его же выраженію, а купецъ совершилъ мѣну: слѣдственно, какимъ образомъ онъ можетъ развить довольство, если другія сословія не похлопочутъ о произведеніи предметовъ мѣны. Это ни мало не унижаетъ занятій торгующаго сословія, но и не напыщаетъ его до того, чтобы можно было провозгласить его *кормильцомъ своихъ собратій*. Объ участіи купцовъ въ дѣлахъ просвѣщенія говоришь намъ, кажется, еще рано: имѣя средства учишься, досугъ занимаешься послѣ школы, и способностями, которыми благое Провидѣніе опечески распредѣляетъ между людьми, конечно купцы столь же могутъ быть просвѣщены и полезны для наукъ, какъ и граждане другихъ сословій: просвѣщеніе есть обшванный край ума, куда загражденъ входъ однимъ только *злосудожнымъ душамъ*; но для этого надобно время и единодушное сознаніе необходимости просвѣщенія, а мы еще далеки отъ того.

Что же въ настоящемъ положеніи должны имѣть въ виду Русской купецъ? — Пошрудившись, поразмысливши, вникнувши основательно въ общность настоящихъ обязанностей нашего купечества, сообразивъ ихъ съ средствами, предоставленными сему сословію и съ постановленіями, на основаніи коихъ оно можетъ располагать своими средствами, а особенно выслушавъ безпристрастные сужденія практикантовъ торговли, Г. Полевой конечно могъ бы ошвътъ свой на предложенный вопросъ сдѣлать замѣтнымъ въ по-

лишнихъ соображеніяхъ. Но въ настоящей рѣчи, что, по его мнѣнію, особенно надобно нашему торговому сословію? Больше денежныхъ капиталовъ? — Нѣтъ. — Поддержаніе кредита? — Совсѣмъ не то. — *Сознаніе собственнаго своего достоинства* (сш. 15) — вотъ что! — Если Г. Полевой, по какимъ либо видамъ, не хотѣлъ или не могъ откровенно указать на тѣ причины, по которымъ купечество у насъ излишне иногда увлекается, какъ онъ говоритъ, *выгодами другихъ сословій*, то несправедливо также приписывать это и непонятію купечесвомъ значенія своего въ ряду другихъ сословій, или недостатку самосознанія. Ощутительное незнаніе могло бытъ развѣ только замѣтно въ нѣкоторыхъ лицахъ, вновь входящихъ въ сіе сословіе, которое, при быспромѣ развитіи нашей промышленности въ настоящее время безпрещанно, такъ сказать, колеблется отъ прилива въ оное изъ низшихъ народныхъ сословій. Въ Москвѣ это виднѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ городѣ. При такомъ, можно сказать, еще не успановившемся устройствѣ цѣлаго сословія, было бы излишне претовашъ отъ всѣхъ равно *высокаго благороднаго самосознанія*, долженствующаго бытъ въ виду у Русскаго купца въ настоящее время. Достоинства же, которыя Г. Полевой приписываетъ купцу, спрашивая: *неужели гражданинъ, ставшій предъ лицомъ сильнаго, какъ защитникъ ближнихъ, смѣло говорящій ему правду, уступитъ въ смѣлости воину, идущему на ряды вражескіе* (с. 15) къ дѣлу не относящагося: ибо спо-

лишь предъ лицомъ сильнаго случается всякому; говоришь правду не ешь привилегія того или другаго сословія; а защищаешь ближнихъ предъ лицомъ сильныхъ, купцу рѣже можешь случиться, нежели простому Повышчяку въ Земскомъ Судѣ. Такъ о чемъ же и хлопочаешь, и къ чему восклицаешь: *быть храбрымъ на время, быть мужественнымъ въ минутномъ забвеніи самого себя, и хладнокровно расчитывая невыгоды, опасность, жертву свою, всегда быть твердымъ и мужественнымъ, всегда стремиться къ высокой гражданской доблести — что выше и славнее* (с. 15)? Прошу выкинуть сверхъ того, какъ хорошо и выгодно Г. Полевой изобразилъ путьъ воина и купца!

Указавъ пошомъ на извѣстныхъ купцовъ въ нашей исторіи, и объявивши, что другія сословія уже изумляются *сдѣланному купечествомъ* (с. 18), ораторъ обращается къ воспитанникамъ Практической, Коммерческой Академіи, убеждаетъ ихъ *впечатлѣвать въ сердца чувство собственнаго своего достоинства, напитывать душу дарами просвѣщенія и образованности и пр. и пр.*; даритъ имъ гравированный портретъ Калужскаго купца Золашарева, заслужившаго испытанною честностію удивленіе иностранцевъ; обращается пошомъ съ привѣтствіями къ посѣщителямъ, и оканчивается, какъ должно, призываніемъ благословенія Божія на всякое благое начинаніе для чести Россіи, во славу Монарха.

Скажемъ же и мы теперь наше окончательное, заключительное мнѣніе о *Рѣчи* Г. Полеваго. Рѣчи, публично произносимыя въ учебныхъ

заведеніяхъ, могутъ имѣть двоякую цѣль. Въ нихъ ораторъ или дѣлается органомъ своего мнѣнія; даетъ, имъ которымъ образомъ, отчетъ пообщественнымъ о ходѣ заняній, усмѣхахъ учебнаго заведенія; или, въ другомъ случаѣ, избираетъ предметъ, заслуживающій общее вниманіе, имѣющій или цѣль практическую, или раскрывающій какое-нибудь положеніе въ наукѣ, гдѣ ораторъ является какъ бы самъ на испытаніе просвѣщенной публикѣ, жопорая, по качеству заготовленнаго сочиненія, имѣетъ случай судить объ учености и способностяхъ ихъ людей, коимъ ввѣрено овятое дѣло просвѣщеніе ума и образованіе нравовъ. Рѣчи перваго разряда должны были преимущественно въ училищахъ вшороспеленныхъ, гдѣ опъ учащихъ было бы слшшкомъ приязнательно пребывавъ глубокихъ разсужденій о наукахъ; рѣчи вшораго рода — въ Университетахъ, Академіяхъ и другихъ первошпеленныхъ училищахъ, гдѣ Профессоръ долженъ былъ представителемъ современнаго сосшоднія своей науки; а пошому рѣчи подобныя подлежатъ критикѣ спровержайшей, нежели рѣчи первыя.

Безъ излишней опрогости, не измѣрая достоинства рѣчи *Г. Полеваго* сравненіемъ, взглянемъ на нее отношштельно ея назначенія. Практическая Коммерческая Академія принадлежштъ къ училищамъ вшороспеленнымъ. *Г. Полевой*, не принадлежа къ числу учащихъ въ семъ училищѣ, возшелъ на кафедрѣ въ качествѣ Члена Совѣща сей Академіи; слѣдшвенно, или былъ органомъ Совѣща, или, пользуясь своимъ правомъ, хотѣлъ высказавъ свои понятія о какомъ-нибудь предметѣ, и

на сей разъ заблагоразсудилъ бесѣдовать о *купеческомъ сословіи*. Чтобы онъ былъ назначенъ для произнесенія сей рѣчи отъ имени Совѣта Академіи, этого изъ Рѣчи не видно: оспается заключить, что кафедра Практической Коммерческой Академіи была на сей разъ мѣстомъ, гдѣ *Г. Полевой* хотѣлъ изложить свои мысли о торгующемъ сословіи. — Что же онъ сказалъ? — Еслибы *Г. Полевой* потрудился дѣйствительно разсмотрѣть положеніе нашего купеческаго состоянія; указалъ бы хопя въ общихъ результатахъ направленіе нашей торговли или промышленности; коснулся бы скромно коренныхъ недоспащковъ, явно ощущаемыхъ въ большей части нашего торговаго сословія; то, недоспащки извинивъ, каждый просвѣщенный его соотечественныхъ съ благодарностію и пользою прочелъ бы его Рѣчь. Но, наполнивъ ее возгласами только о необходимости, почешности, благородствѣ купеческаго сословія; пусшившись, Богъ знаетъ къ чему, толковать о предметахъ, вовсе непринадлежащихъ къ дѣлу: о духѣ и матеріи, объ Ангелахъ, о Спрашномъ Судѣ, о безмерши добра, о двойственностии челоѡка, о соединеніи духа съ плотию, о жизни государствъ, о государствовоуправленіи; взявшись дробить науки, которыхъ онъ не знаетъ, *Г. Полевой* доказалъ только что, не имѣя знаній, можно имѣть большія требованія, и что не умѣя порядочно соспавить обыкновенной Рѣчи, можно попасть во многія ученыя общества.

(сообщено)

VII.

ИСПАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ.

Испанскіе Университеты заслуживаютъ вниманія не менѣе другихъ Академическихъ Институтовъ въ Европѣ. Они обязаны своимъ происхожденіемъ духовной потребности среднихъ вѣковъ; и ихъ законопослѣдованіе носитъ донынѣ печать сей эпохи. Университетъ Саламанкскій былъ устроенъ первоначально по образцу Высшихъ Училищъ въ Коимбрѣ, Парижѣ и Оксфордѣ. Его основатель, Альфонсъ Великій (el Sabio), повелѣлъ преподавать въ немъ науки, искусства и либеральную, кои въ тринадцатомъ вѣкѣ доведены были Маврами до такой степени, о которой остальная Европа не имѣла почти никакого предчувствія. Высшее Училище въ Алкалѣ было устроено тогда же Кардиналомъ Эйенеро; и сей замѣчательный государственный человѣкъ, принявъ посприженіе, внесъ въ образованіе его всю богословскую нестерпимость и безсудный деспотизмъ Инквизиціи. Наконецъ, при Австрійской династіи, возникла, соперницей обѣимъ старшимъ своимъ сестрамъ, Высшая Школа въ Валладолидѣ; и такимъ образомъ дополнилась троица Большихъ Университетовъ (Universidades Mayores), которые въ Испаніи пользуются необыкновеннымъ уваженіемъ и не признають надъ собою никакой высшей власти, исключая Инквизиціи.

Кромѣ сихъ трехъ главнѣйшихъ заведеній, находится еще четвертое въ Испаніи, которое

должно занимать также первое мѣсто между училищами: мы разумѣемъ здѣсь исключительно для Испанцевъ назначенную Коллегію, которую Кардиналь Гиль де Альборнозъ учредилъ при Болонскомъ Университетѣ. Кардиналь сей бѣжалъ въ Испанію отъ гнѣва Пепра Свирѣпаго, не упускавшаго никогда случая унижать Папу и его Лѣгатовъ, и увелъ съ собой множество ученыхъ, кои, возвращаясь послѣ опять на родину, привезли съ собой діалектику Испанскихъ школъ и водворили ее на Пиринейскомъ полуостровѣ. Оспальные Испанскіе Университеты, числомъ двадцать четыре, состоящіе изъ монашескихъ Коллегій и Семинарій съ Университетскими привиллегіями, называются Меньшими Университетами (*Universidades Menores*) или вѣнчанными училищами, и дѣйствительно уступаютъ болѣе или менѣе первымъ, не только во вліаніи и ученой славѣ, но также въ доходахъ, числѣ каедръ и значительности ученыхъ степеней, въ кои возводятъ. Сія послѣдняя значительность отчасти соображается съ количествомъ денегъ, которыхъ споймъ производствъ. Такъ степень Доктора въ Университетѣ Саламанкскомъ споймъ гораздо дороже, чѣмъ въ Сигуэнзѣ, и за то гораздо болѣе доставляетъ чести и уваженія.

Планъ ученія во всѣхъ Испанскихъ заведеніяхъ оставался доселѣ почти неизмѣннымъ. Учрежденіе новой каедръ, закрытіе старой, перемѣна въ часахъ преподаванія, возвышеніе или уменьшеніе силы Ректора и другихъ академическихъ Саванниковъ, введеніе новой учебной книги — воля

пункты, около которых обращаются тысячи поспановленій, вносимыхъ Университетами въ свои прошколы съ начала ихъ учрежденія. Въ 1806 году, Министръ Кабаллеро начертилъ для нихъ однообразный планъ ученія, который и теперь носитъ его имя: но сей планъ слишкомъ жалокъ для настоящаго времени, когда Испанія, волнуемая броженіемъ, проникнувшимъ въ нее чрезъ Пиренеи, пребуешь новой системы воспитанія. Преподаваніе Права Естественнаго и Народнаго осматривается въ ней подъ тѣмъ же спрогимъ запрещеніемъ, какъ было при Карлѣ III, и Профессоры Юриспруденціи обязаны буквально держаться положеній Конспанскаго Собора. Въ курсахъ, кои должно проходитьъ для полученія степеней, ничего почти не измѣнилось: для степени Баккалавра Свободныхъ Искусствъ пребуется два года ученія; чрезъ чешыре года производится въ Баккалавры Гражданскаго или Каноническаго Права, Физики и Богословія; столькожъ лѣтъ пребуется для степени Лиценціата Юриспруденціи и Медицины; половина изъ нихъ опредѣляется на практическій курсъ въ Судебныхъ мѣстахъ и госпиталяхъ. Кабаллеро уничтожилъ много Университетовъ втораго разряда; онъ оставилъ изъ нихъ только чешыре; но право преподавать Философію на той же ногѣ, какъ въ Большихъ Университетахъ, оставлено нѣкоторымъ Семинаріямъ, состоящимъ подъ особеннымъ надзоромъ Правительства: сюда относятся школы въ Мадридѣ, Валенціи, Верхерѣ. Преобразованія Кабаллеро не простирались далѣе; и при томъ учрежденія его исполняющся такъ не-

радиво, что все мало по малу возвращается въ прежній порядокъ вещей. Не только возникли опять пещеры многіе второсшепенные Университеты изъ прежнихъ, между коими заслуживаютъ вниманіе находящіеся въ Сарагоссѣ, Вадедцѣ, Севильѣ, Гренадѣ, Ишхурѣ, Церверѣ, Толедо и Сант-Яго, но и старинныя постановленія относительно курсовъ, шепеней и власи Директоровъ являющіяся снова на сцену. При каждомъ Университетѣ находилось по двѣ Коллегіи, копорыя также назывались Большими (Mayores); назадъ тому нѣсколько лѣтъ онѣ уничтожены и доходы ихъ равно какъ зданія, обращены для другихъ государственныхъ цѣлей. Коллегисты Саламанкскіе, Алкальскіе и Валладолідскіе доселѣ имѣли большую ученую славу и заслуживали ее во всѣхъ отношеніяхъ.

Еще пенальтнѣйшее зрѣлище представляетъ жизнь, которую ведутъ студентсы Испанскихъ Университетовъ. Это верхъ крайней, опшварнищельной нищеты. Но, не смотря на то, слѣдшвія, опшскуда происходящія, превосходятъ всякое ожиданіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ученые, украшавшіе Испанію доселѣ, не обязаны нисколько своими познаніями Университетамъ: но сіи заведенія умѣли сохранить въ себѣ доброе основаніе умспвеннаго образованія, которое, сколь ни глубоко унижены пещерь науки, безсомнѣнія должно принесть прекрасные плоды, какъ скоро введенся лучшая система воспитанія. Математика и Восшочные языки будутъ всегда обязаны Саламанкскому Университету своимъ процвѣтаніемъ. Медицинская

Школа приносить и щедрь честь Валенціи. Профессоры Нравоученія и Рациональнаго Богословія въ Алкаль давно сражающся оспрымъ оружіемъ съ суевѣріемъ и суешными понкосіями казуншовъ. Ученые Юриспы Валладоліда разрѣшили множесство запушаннѣйшихъ задачъ. И вообще, даже въ городскихъ Университешахъ, гдѣ вліяніе Папы и духовенства гораздо сильнѣе, Докторы Каноническаго Права поспоянно ополчающся противъ припизаній Римскаго Двора, не смотря на грозу Инквизиціи. Можно ли повѣришь? Ни въ одной католической землѣ не возстающъ съ большею пшвердосіію противъ самовластиа Папы, какъ въ Испаніи; нигдѣ ревностнѣе не защищающъ Правительсшва и свѣпской власши, противъ деспотизма Римской церкви; и еслибы Государи Испанскіе умѣли вполне воспользоваться пѣіи пособіями, кошоры такъ часшо оказывающъ имъ Юриспы и Докшоры Университешовъ, то смѣло можно сказать, что поспыдное иго суевѣрнаго невѣжесшва, въ коемъ упрекающъ Испанію, давно бы сокрушилось и единспвенное препашсшвіе къ ея возрожденію навсегдабъ чрезъ шо уничтожилось.

Заклучимъ сію спашью крашкимъ обзорніемъ Университешскихъ обычаевъ.

Главою Университеша по большой части бываешъ Директоръ, Членъ Каспильскаго Совѣша или Грандъ Испаніи, и при немъ Ректоръ, ежегодно, а въ нѣкошорыхъ Университешахъ, черезъ каждые три года, избираемый изъ Докшоровъ и Лиценціашовъ Университеша. Титулъ Дирекшора чистпо почетный: Ректоръ есш глава Профессоровъ, кошорый блюдешъ за ис-

полненіемъ спашушювъ и имѣющъ главный надзоръ надъ учебною частію. Профессоры (Cathedraticos) раздѣляющся, по часамъ преподаваемыхъ ими уроковъ, на упренныхъ и послѣобѣденныхъ. Жалованье производися имъ или изъ общихъ Университетскихъ фондовъ или изъ особенныхъ доходовъ. Они имѣющъ право выбирать себѣ помощника изъ Баккалавровъ своего факультета, который чрезъ то дѣлается непосредственнымъ кандидатомъ каведры своего Профессора.

Спуденнты обыкновенно живутъ въ частныхъ домахъ. Они всступаютъ въ Университетъ, между днемъ С. Луки (18 Октября) и днемъ С. Екатерины (26 Ноября); по истеченіи сего срока, пріемъ прекращается. Лекція продолжающся до половины лѣта; но иногда Спуденнты распускающся послѣ Пасхи, и сверхъ того имѣющъ четырнадцать праздничныхъ вакаціонныхъ дней. Во всѣхъ Университетскихъ городахъ есть Коллегіи, куда принимающся пансіонеры. Многіе монахи изъ монастырей ходятъ на лекціи, если хотятъ получить степень выше Баккалавра Свободныхъ Искусствъ, который дается и въ монастыряхъ. Нѣкоторые Ректоры очень строго опиносительно Университетскаго костюма. Онъ состоитъ изъ сюрпука и чернаго плаща, подобныхъ тѣмъ, кои носятъ Испанскіе священники: Спудентъ собственно одѣвается трехугольная шляпа. Спудентъ долженъ ежедневно являться два раза въ Университетъ: доупру и послѣ обѣда; если онъ двѣ недѣли не былъ на лекціяхъ, то исключается изъ списка; но когда отсутствіе его было по болѣзни или другимъ закон-

нымъ причинамъ, по онъ долженъ вознаградить потерянное время чрезъ такъ называемый *cursillo* или дополнительный курсъ, бывающій по окончаніи общаго курса. Ректоръ съ своими алгвазилами каждую ночь ходитъ дозоромъ по домамъ, въ коихъ живутъ Спуденты, дабы удостовѣриться, работаютъ ли они въ своихъ комнахахъ; по воскресеньямъ и четвергамъ надзоръ сей прекращается, и тогда Спуденты держатъ свои дружескія общесхва (*la tertulia, la ronda*) или даютъ серенады, кошорыя однако не должны продолжаться дальше девяти часовъ. Кто въ другіе дни будетъ замѣченъ на улицъ съ гитарою, за вѣрнымъ инструментомъ Испанскаго Спудента, тотъ подвергается строгому наказанію.

Профессоры весьма мало заботятся о томъ, дѣйствительно ли Спуденты чему-нибудь учатся. Если Спудентъ регулярно бываетъ на упренныхъ и послѣбѣденныхъ лекціяхъ, то Профессоръ ни чего болѣе не спрашиваетъ; и когда онъ является для полученія степени, экзаменъ есть только одна форма; поему случается, что, при выходѣ изъ Университета, онъ знаетъ меньше, чѣмъ прежде. Такъ какъ въ большихъ городахъ, гдѣ находятся Университеты, нельзя имѣть надзора за каждымъ, то Спуденты здѣсь занимающіеся кой-чѣмъ или не дѣлаютъ совсѣмъ ничего, единственно по своей доброй волѣ. Между тѣмъ Богословы имѣютъ обыкновеніе учреждать между собою академіи съ особенными спашушами и волно-избираемымъ президентомъ, для упражненія послѣ лекцій; Медики поступаютъ также; но Юристы не собираются вмѣстѣ для особенныхъ

занятій. Вообще между факультетами существуют явная неприязнь и соперничество. Юристы по большей части бывают изъ хорошихъ фамилій, и, такъ какъ пошому гораздо независимѣе, то обращаются весьма презрительно съ прочими, особенно съ Богословами, которые по большей части бываютъ угодниками монаховъ и богомольныхъ спарухъ. Часто случается видать ихъ съ корзинами, нагруженными хлѣбомъ или зеленью, для кухни ихъ Высокородій; ночью они ходятъ предъ ними съ фонаремъ либо провожаютъ молоденькаго господчика дома, въ коемъ живутъ и пишаются, въ классы или на прогулку. Заслуги сіи, по исчисленіи нѣсколькихъ лѣтъ, награждаются мѣстечкомъ приходскаго священника, по милости или вліянію высокородныхъ покровителей. Изъ сего класса Спудентовъ выходятъ иногда доспопочтенные пастыри. Но есть другіе, коихъ положеніе гораздо хуже: это тѣ, кои живутъ супомъ и милостынею, раздаваемою ежедневно у воротъ нѣкоторыхъ монастырей. Сіи несчастные бобыли не имѣютъ у себя ничего, кромѣ того, что носятъ на себѣ; многіе даже не имѣютъ другаго крова, кромѣ церковныхъ папершей. Не смотря на то, они посѣщаютъ регулярно лекціи, записываются, получаютъ стипендіи, доходятъ до гражданскихъ и духовныхъ чиновъ, и нерѣдко, безъ всякихъ prospectовъ и интригъ, составляютъ себѣ счастье одними своими доспоинствами. Весьма многіе Спуденты сего класса выходятъ изъ Университета, по окончаніи курса, и кучками, опъ чепырехъ до шести человекъ, бродятъ съ своими гишара-

ми, побираясь подъ окнами и брента Спуденческїя пѣсни (coplas estudiantinas). Они называющъ эпошъ образъ жизни — andar a la tupa (бродяжничащъ); и эпо бродяжничество имѣетъ такую прелестъ, что многіе молодые люди почтенныхъ фамилій ищущъ въ немъ удовольствїя и шапающся вмѣстѣ съ другими. Эпо кладетъ на Испанскаго Спуденша особенную печать: въ опечесствѣ своемъ онъ естъ лице самое народное и для романиста и поэта сославляетъ неиспощимый рудникъ любопытныхъ приключеній. Посему-то Сервантесъ говоритъ о шракширщикѣ, копорый производитъ Дон-Кихота въ рыцари, что онъ mas maleante que estudiante o page (плутоваше спуденша и пажа).

(М. В.)

VIII.

ПАРИЖСКІЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

Посреди политическихъ преній и крамолъ, поглощающихъ преимущественно современную Парижскую журналистику, изящная словесность, науки и искусство имѣютъ еще нѣкоторыя, болѣе или менѣе исключительно имъ посвящаемыя, періодическія изданія. Онѣ оплечаются самой паружностью опъ собственнo политическихъ журналовъ. Тогда какъ сіи послѣдніе ежедневно высыпающъ болѣе или менѣе огромными лисшами,

унизанными двойною или тройною фалангою тѣсно сжащенныхъ колоннъ ; литературныя повременныя изданія выходятъ большею частію книжками, еженедѣльно, ежемѣсячно или по два раза въ мѣсяцъ. Ихъ содержаніе, по большей части, отличается разнообразіемъ и общностію, а иногда ограничивается нѣкоторыми предѣлами. Не смотря на мирныя ихъ занятія, политическій образъ мыслей отражается и въ нихъ, со всеми своими оплѣтками: почему всѣ литературныя журналы имѣютъ непременно свой, болѣе или менѣе рѣшительный, цвѣтъ, свое политическое вѣроисповѣданіе, коимъ опредѣляется кругъ ихъ участниковъ и сотрудниковъ. Само собою разумѣется, что перемѣны обстоятельствъ, кои теперь такъ нерѣдки во Франціи, имѣютъ вліяніе на сей послѣдній характеръ: и потому послѣдствіе не есть добродѣтель имъ свойственная.

Между Парижскими литературными журналами первое мѣсто приписывается *Парижскому Обозрѣнію* (*Revue de Paris*). Оно выходитъ еженедѣльно, книжками, состоящими изъ четырехъ печатныхъ листовъ, отличающихся изяществомъ типографическаго исполненія во всѣхъ отношеніяхъ. Содержаніе его составляютъ: повѣсти, отрывки изъ новыхъ произведеній изящной словесности по всѣмъ ея отраслямъ, иногда стихотворенія, отрывки изъ исторіи наукъ, искусствъ и литературы, біографіи знаменитыхъ людей, критическіе разборы особенно замѣчательныхъ произведеній отечественной и иностранной словесности, наконецъ недѣльный очеркъ о всѣхъ

текущихъ новостяхъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманіе высшаго круга общества. Въ немъ участвуютъ многіе извѣстные литераторы, особенно: *К. Нодье*, *Ж. Жанень*, *Бруккеръ*, *Т. Леклеркъ* (извѣстный своими драматическими пословицами), *Ам. Пизо*, *Жакобъ Библиофиль*, *Базиль-Галль*, *Люганъ* и другіе; иногда помѣщаютъ свои повѣсти *Бальзакъ*; *Амперъ* сообщаетъ отрывки изъ своего путешествія по Скандинавіи; *Герцогиня д'Абрантесъ* — изъ своихъ любопытныхъ записокъ. Журналъ сей продолжается четвертый годъ; и, замѣчаютъ, что уже опжилъ свой блестящій періодъ. Славой, копорою онъ и доселѣ еще пользуется, обязанъ онъ преимущественно челоѣку, поддерживающему теперь Оперу съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, именно врачу *Верону*. И дѣйствительно, если собрать всѣ медицинскіе факультеты въ свѣтъ, то едвали выищется другой врачъ, копорый бы, подобно *Верону*, умѣлъ такъ удачно дѣйствовать на двухъ, столь мало совмѣстныхъ съ его званіемъ, поприщахъ: управленія Оперой и редакціи литературнаго Журнала. Пока *Веронъ* былъ главнымъ издавателемъ *Парижскаго Обозрѣнія*, оно было на высочайшей степени уваженія и славы. Теперь кредитъ его ощутительно слабѣетъ; и пріятельскія объявленія, печатаемыя при выходѣ каждой его книжки въ *Журналъ Преній*, показываютъ ясно, что публикѣ нужно напоминать о его существованіи. Относительно полишики *Парижское Обозрѣніе* всегда держало сторону умѣренности. Оно одного духа

съ *Журналомъ Преній*. *Шатобріанъ* помѣстилъ въ немъ недавно письмо, написанное изъ Префектуры Полиціи, во время своего ареста. *Сальванди*, чрезъ посредство его, изложилъ свои сѣтованія о *Язвахъ*, перзающихъ Францію, въ краснорѣчивой фаншазіи, вдохновенной Мильшонъ,

Парижскому Обзорнію соперничесвуетъ теперь *Обзорніе Обоихъ Полушарій Свѣта* (*Revue de Deux Mondes*). Журналъ сей выходитъ по два раза въ мѣсяцъ, также книжками, содержащими въ себѣ отъ семи до осьми печатныхъ листовъ. Онъ уступаетъ *Парижскому Обзорнію* наружнымъ изящствомъ, но далеко превосходитъ его внутреннимъ достоинствомъ содержанія. Въ наслоящемъ видѣ существуетъ онъ шелько другой годъ. Прежде издавался онъ подъ именемъ *Журнала Путешествій* (*Journal des Voyages*); и тогда былъ довольно однообразенъ, сухъ, и не пользовался извѣстностію. Съ прошедшаго года, онъ получилъ большую обширность, принялъ въ составъ свой высшія философическія разсужденія, изящную словесность во всѣхъ отрасляхъ, критики и двухнедѣльные оппечены о всѣхъ замѣчательныхъ литературныхъ и политическихъ новостяхъ, далъ себѣ рѣшительный цвѣтъ и сдѣлся любимымъ чтеніемъ Парижской публики. Теперь участвуютъ въ немъ: *Э. Кине*, *Лерминье*, *А. Дюма*, *Барбье*, *А. де Виньи*, *А. Фонтаней* и многіе другіе. *Ж. Жаненъ* и *Бальзакъ* также рсужаютъ его своими повѣстями. Высшую критику держатъ *Эмиль Дешанъ* и *Густавъ*

Планишъ. Въ отношеніи къ философіи, особеннаго вниманія заслуживаетъ помѣщаемая въ нынѣшнемъ году *Переписка Лерминье съ однимъ Берлинцемъ*, въ коей онъ подвергаетъ, если не всегда основательному, то, по крайней мѣрѣ, довольно рѣзкому анализу, всѣхъ современныхъ представителей Французской философіи а). Въ разсужденіи политическаго образа мыслей, журналъ сей также держится умѣренности; но дѣйствуетъ гораздо рѣшительнѣе и сильнѣе, чѣмъ *Парижское Обозрѣніе*.

Перейдемъ теперь къ *Моднымъ Журналамъ*, въ коихъ изящная словесность соспавляетъ, если не главное содержаніе, то по крайней мѣрѣ необходимый балластъ. Подобно какъ *Парижское Обозрѣніе* издавалось первые годы врачомъ, такъ называемый *Журналъ Модъ* (*Journal des Modes*) издавался цѣлые двадцать лѣтъ, и при томъ довольно удачно, бывшимъ прежде монахомъ Театинскаго Ордена, по имени *Ля-Мезанжеромъ*, который умѣлъ сдѣлать свое изданіе истиннымъ оракуломъ моды. Эпопъ *Ля-Мезанжеръ* былъ человѣкъ весьма образованный, остроумный, съ любовію къ искусству: онъ извѣстенъ многими другими сочиненіями, и особенно Словаремъ Французскихъ Пословицъ, гдѣ находятся многія любопытныя извѣстія и догадки о древнихъ обычаяхъ и нравахъ Франціи. Смерть его, случившаяся въ

а) Смѣсь о *Хузенѣ*, помѣщенная въ *N в Телескопа*, составляетъ часть сей *Переписки*. Изд.

прошедшемъ году, была важною пошерею для журнала: впрочемъ онъ все еще продолжаетъ держаться по воспоминанію. Еще при жизни *Ламезанжера* появился, въ соперничество его журналу, другой, съ гораздо большими препензіями, подъ именемъ *Моды (La Mode)*. Этого журнала, выходящій еженедѣльно книжками опть прехъ до четырехъ печатныхъ листовъ и опшичающійся прекрасною наружносстью, ударился въ полипику и, объявивъ себя на споронѣ Карлишовъ, наполняется шеперь почти весь болѣе или менѣе остроумными выходками, въ прозѣ и стихахъ, элиграммами, каламбурами и всякою всячиной, прошивъ *juste milieu*. Это, конечно, даетъ ему ходъ въ госпинныхъ Сен-Жерменьскаго предмѣстіи, но за то весьма часто заводитъ въ хлопоты съ Полиціею. Мы не упоминаемъ здѣсь ничего о *Дамскомъ Вѣстникѣ (Petit Courier des Dames)*: поелику въ немъ лишературная часпъ почти совершенно ничтожна и безъ всякаго цвѣща.

Прекрасно издаются *Каррикатура (la Caricature)* и *Художникъ (l'Artiste)*, журналы, состоящіе изъ лишературныхъ статей и липографированныхъ листовъ. *Каррикатура*, какъ видно по ея имени, наполняется каррикашурами на текущіи произшествія и дѣйствующія въ нихъ лица. Разумѣется, что ей часто также приходится хлопотать съ Королевскимъ Прокуроромъ; но это не вредитъ ея ходу, напрошивъ умножаетъ число ея подписчиковъ, по общей наклонности толпы къ запрещенному и преслѣдуемому. *Художникъ* издаетъ довольно изрядныя гравюры

искусныхъ артистовъ и также имѣеть препен-
зіи на литературу. Онъ заслуживаетъ нѣкоторое
вниманіе, какъ органъ современнаго пона
Французской художественной дѣятельности.

Особенную отрасль литературныхъ журна-
ловъ въ Парижѣ составляютъ *Журналы Сати-
рическіе*. Знаменитѣйшій изъ нихъ, *Фигаро*, сконча-
лъ блестящую жизнь свою, послѣ того какъ
прежніе сотрудники его возведены Іюльскою Рево-
люціею въ званія Префектовъ и Библіотекарей, въ
награду за усердіе, съ коимъ подкапывали пре-
столь Бурбоновъ. Тѣ, коимъ онъ достался те-
перь въ руки, находятъ выгоднѣ держаться на-
стоящихъ обстоятельствъ и пруняшъ изъ-под-
пишка надъ лежащими. Гораздо интереснѣе, въ
вспомъ родѣ, такъ называемый *Корсеръ* (*le Cor-
saire*), который, кажется, хочетъ быть про-
долженіемъ стараго *Фигаро*; ибо онъ смѣло и
рѣзко нападаетъ на всѣхъ, идущихъ вопреки об-
щественному мнѣнію. Политическія сапиры *Бар-
телеми*, выходящія еженедѣльно подъ именемъ
Немезиды (*Nemesis*), подали однимъ, или,
можешъ быть, одному неизвѣстному, мысль,
издавать подобныя періодическія стихотворе-
нія подъ спраннымъ именемъ *Конституцион-
ной Немезиды* (*Nemesis Constitutionnelle*). Сія
новая Министерская *Немезида* является каж-
дую недѣлю полулистами. Судя по явившимся опы-
тамъ, ей не обещають успѣха и долговѣчности.
Можешъ быть теперь еженедѣльно сѣдаемый
ею Пегасъ, волею и неволею, покоишся уже въ
стойлѣ.

Изъ прочихъ липерашурныхъ журналовъ, Французскій Меркурій (*Mercure de France*), умиравшій и воскресавшій нѣсколько разъ, влачитъ кое-какъ дряхлую свою жизнь и едва ли имѣетъ читашелей. Кабинетъ Чтенія (*Cabinet de Lecture*), красиво издаваемый еженедѣльный листокъ, по образцу Англійскихъ суббошнихъ газетъ, довольно занимашеленъ. Другой, подобнаго рода, носитъ почтенное имя Вора (*le Voleur*) и дѣйствительно состоитъ изъ спашей, заимствуемыхъ изъ другихъ журналовъ. Это явное воровство весьма выгодно; и журналъ сей, съ году на годъ, прибрѣшаетъ больше и больше читашелей.

Между журналами, болѣе важнаго и сепеннаго содержанія, кромѣ Журнала Ученыхъ (*Journal des Savans*), который опчаспи издаешся на счетъ правительсва и потому можешъ держашся безъ большаго участія публики, хошя и вполне заслуживаетъ оное, сохранилось одно только Энциклопедическое Обзорнiе (*Revue Encyclopédique*): но, изъ рукъ Жюльена перешедши въ руки Карно, сына прежде бывшаго Министра, оно приняло другое направленіе. Карно провожалъ отца своего въ Германію и возвратился послѣ его смерти, воспослѣдовавшей въ Магдебургѣ. Онъ знакомъ хорошо съ Германіей и съ ея липерашурой: посему въ Энциклопедическомъ Обзорнiи обращаетъ теперь на сію послѣднюю особенное вниманіе. Доколѣ Сен-Симонисты сосшавляли чистю политическое общество, Карно принадлежалъ къ нимъ и, говоряшъ, пожертвовалъ въ пользу ихъ значитель-

ную часть своего имущества. Но когда они облеклись церковными формами и приняли іерархическій характеръ, ~~он~~ отдѣлился отъ нихъ. Теперь въ *Энциклопедическомъ Обзорѣ*, которое Карно издаесть вмѣстѣ съ П. Ру (Roux), также естествоиспытателемъ отъ Симонистовъ, приглашающа еще многіе изъ прежнихъ догматовъ Сексимонизма. Также новая эсперитическая школа Франціи высказываетъ себя въ немъ; и многіе молодые, отважные писатели, ищущіе проложить новый путь, здѣсь особенно подвизающіеся. По уничтоженіи *Глобуса (le Globe)*, *Энциклопедическое Обзорѣ* заступило въ семъ отношеніи его мѣсто. *Бюллетень Наукъ (Bulletin Scientifique)*, *Барона Ферюссака*, скончался, проживъ восемь лѣтъ; прекращеніе его достойно всякаго сожалѣнія; ибо подобное періодическое изданіе, извѣщавшее подробно и точно о всѣхъ открытіяхъ, по части наукъ внутри и внѣ Франціи, составляетъ существенную потребность ученыхъ; и когда *Бюллетень Ферюссака*, при всѣхъ ободреніяхъ и подкрѣпленіяхъ, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, не могъ держаться, то весьма опасно, что сія неудача опшнмешъ духъ у всѣхъ другихъ предпринимавъ снова подобное изданіе. Съ нынѣшняго года появился въ Парижѣ новый журналъ, подъ именемъ *Ученой Франціи (la France Littéraire)*; но онъ только еще начался и не скоро получитъ ходъ; при томъ же и цѣль его не довольно ясна.

Мы не упоминаемъ здѣсь о превосходномъ выборѣ статей изъ Англійскихъ журналовъ, вы-

ходящемъ въ Парижѣ большими книжками ежемѣсячно, подъ именемъ *Британскаго Обзорія* (*Revue Britannique*); ни также о *Германскомъ Обзоріи* (*Revue Germanique*), въ коемъ помѣщающся спашь, выбираемыя изъ Нѣмецкихъ Журналовъ. Оба сіи, весьма занимательныя, періодическія изданія принадлежатъ шолько по языку къ Французской Словесности.

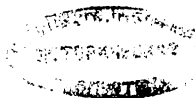
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Августа 4-го дня 1832 года.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

МОСКВА.

въ Университетской Типографіи.

жесивенномъ актѣ, послѣ оперы-
 шыхъ испытаній, въ Московской Прак-
 тической Коммерческой Академіи, Ю-
 ля 11-го дня 1832 года, Николаемъ
 Полевымъ. 374

VII. Испанскіе Университеты. (М. В.). . 403

VIII. Парижскіе Литературные Журналы. 411

Подписка принимается въ *Москву*: въ квартирѣ
Издателя: у *Покрова* въ *Левшинѣ*, въ домѣ *Загоски-*
на; въ книжномъ магазинѣ *Н. Н. Глазунова* противъ
Воскресенскихъ *Воротъ*, въ домѣ *Курманалѣвой*; у
 Коммисіонера **ИМПЕРАТОРСКАГО** *Московского*
Университета *А. С. Ширяева*, въ *Университетской*
книжной лавкѣ; въ *С. Петербургѣ*: у *А. Ф. Смирди-*
на. Гг. иногородные благоволяшъ отнoситься съ сво-
 ими требованіями въ *Газетную Экспедицію* *Москов-*
скаго Почтамта.

